

ВАЛЕРИЙ
МЕДВЕДЕВ

БАРАНКИН,
БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

**ВАЛЕРИЙ
МЕДВЕДЕВ**

РИСУНКИ Г. ВАЛЬКА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА • 1967**

Р 2
М.42

Для восьмилетней школы

Медведев Валерий Владимирович

Баранки, будь человеком!

Повесть

Ответственный редактор *Г. Ф. Ермоленко*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*. Технические редакторы *З. М. Кузьмина* и *И. П. Савенкова*. Корректоры *Н. М. Кожемякина* и *Э. Л. Лофенфельд*.

Сдано в набор 1/III 1967 г. Подписано к печати 6/IV 1967 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,52. Тираж 150 000 экз. ТП 1967 № 610. Цена 30 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суэцкий вал, 49. Заказ № 310.

КАК ХОРОШО, ЧТО МЫ — ЛЮДИ!

Вы, конечно, согласны со мной? А вот школьник Юра Баранкин, про которого рассказывается в этой книжке, не сразу понял, как это важно и хорошо — быть человеком.

Мне очень нравится эта книжка, которую я читал ещё тогда, когда она была не книгой, а только лишь рукописью, напечатанной на машинке. Я не был знаком с автором, фамилия и имя Валерия Медведева мне ничего ещё не говорили. Я не знал, молод он или стар, давно уже пишет или лишь вступает в литературу. Но чтение рукописи доставило мне огромное удовольствие. Я сразу почувствовал, что написал повесть литератор, наделённый надёжным дарованием, обладающий живым знанием ребят, верным вкусом и художественным тактом. Правда, я сначала был несколько озадачен. Как это так?.. Действуют в повести ребята, очень похожие на тех, которых я постоянно встречаю, всё случилось в наше время, когда мало кто верит в волшебные превращения... а герой вдруг, как говорится, запросто превращается в воробья. А потом в бабочку. А после...

Нет! Я не буду вам заранее пересказывать содержание весёлой, чудесной повести Валерия Медведева. Скажу только, что чем дальше вчитывался я, страница за страницей, в рукопись, тем больше она мне нравилась и тем убедительней для меня становилось всё, что в ней происходило. Автор заставлял меня без всяких натяжек поверить в те чудеса, которые совершаются с его героями.

— Так позвольте, значит, это сказка?! — скажут читатели.

А я сам не знаю... Может быть, и сказка. А вернее — очень правдивая сказочная повесть из жизни самых настоящих, не придуманных и не в тридевятом царстве, а рядом с нами живущих мальчишек. А если в этой повести и действует волшебник, то им является сам автор, молодой писатель Валерий Медведев. Это он искусно повернул к читателю некоторые обыкновенные, всем знакомые вещи, дела и случаи такой сто-

роной, что всё засверкало по-новому, по-сказочному. А в волшебном свете сказки раскрылись вдруг многие немаловажные истины, которые не мешают постичь ребятам с самых малых лет. Например: как важно, как хорошо быть человеком! Привычное наставление старших, иной раз уже начинающее надоедать ребятам, неожиданно как бы раскрывает настежь двери, за которыми оживает подлинный смысл, заключенный в требовании: «Будь человеком!»

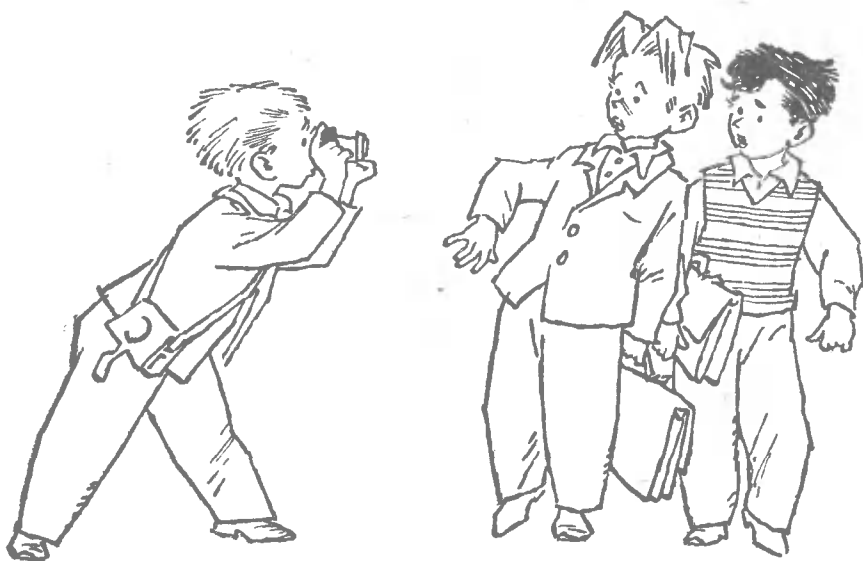
И герои повести Медведева, после всех превращений вернувшись к обычной и нормальной для них человеческой форме существования, словно бы заново постигли, какое это счастье жить среди людей и самому быть человеком! Как хорошо иметь не крылья, не хвост, не четыре лапы, а две человеческие руки и десять пальцев, умеющих брать и давать, мастерить и драться, стискивать руку товарища и держать перо. Юра Баранкин вместе со своим приятелем по-новому возрадовались человеческим возможностям. Они, наверное, теперь поняли, почему в одном из своих произведений Алексей Максимович Горький, всей душой веривший в людей писатель, сказал: «Человек — это звучит гордо!»

Вот об этом, может быть, для ребят впервые так осознанном, гордом счастье быть человеком и свидетельствуют полные озорной выдумки и смешных историй похождения Юры Баранкина и его друга. И получилась у Медведева книга веселая, жизнерадостная и человеколюбивая. Не побоюсь прибавить к этому, что за уморительно смешными злоключениями двух мальчишек читатель, если он не верхогляд, ощутит настоящую мудрость, почувствует серьезную идею, я бы даже сказал — философию книги. А много ли веселых и увлекательных ребят книг имеют свою философию, то есть глубокие мысли о жизни и месте человека в ней?

Не скрою, мне было приятно убедиться впоследствии, когда рукопись Валерия Медведева уже превратилась в тысячи и тысячи экземпляров напечатанной книжки, что я не ошибся в ней. Баранкина быстро полюбили в школах, библиотеках, пионерских отрядах. И теперь все эти читатели ждут от талантливой, любившегося им писателя новых книг, таких же веселых и умных, таких же увлекательных и своеобразных, как «Баранкин, будь человеком!».

Верю, что Валерий Медведев не обманет эти ожидания.

Лев Кассиль

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

Позор на всю школу!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двóйки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двóйки мы получили, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала: «Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!» Потом она собралась вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» — прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела: «Эх, вы! Такую красивую газету испортили!»

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на «хорошо» и «отлично!»

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двобечников действительно как-то не вязались с её нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Эрке записку:

«Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или, в крайнем случае, зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» — тремя, но Эрка только передёрнула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

Не дадут даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

— Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! — закричала она и добавила ехидным тоном: — Посвященное Баранкину и Малинину!

— И никакое не собрание, — крикнула Зинка Фокина, — а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать пальцами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе — сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши

товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажy всё так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ

Как в опере, получается...

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала:

— Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год ещё не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

— В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

— А ещё слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

— Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять всё сначала! (Алик Новиков.)

— Вызвать родителей! (Нина Семёнова.)

— Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

— Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицына.)

— Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

— Да выгнать их из нашей школы, и всё!!! (Эрка Кузякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым — оболтусы, тунеядцы, трутни! Ещё раз

трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была ещё хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий,— закричал я на Веньку Смирнова,— а ты-то чего орёшь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

— Эх ты, Баранкин,— заорал на меня Венька Смирнов,— я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще,— продолжал кричать на весь класс Венька,— предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно,— крикнул я Веньке,— а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос, и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

— Ой, тише, ребята,— сказала Фокина,— замолчите! Пусть говорит Баранкин!

— А что говорить? — сказал я.— Мы с Костей не виноваты, что Михайл Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала когнибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и всё началось бы с пятёрки...

Все стали шуметь и смеяться, Фокина сказала:

— Ты бы, Барáнкин, лúчше не острíл, а брал при-
мёр с Мíши Яковлева.

— Подúмаешь, какой примёр-минíстр! — сказа́л
я не бчень грóмко, но так, чтóбы все слышали.

Ребáта опя́ть засмеялись. Зíнка Фóкина забóкала,
а Эрка покача́ла головóй, как большáя, и сказа́ла:

— Барáнкин! Ты лúчше скажí, когда́ вы с Мали́-
ниным испрáвите сво́й двóйки?

— Мали́нин! — сказа́л я Кóсте. — Разъяснí...

— Вот пристáли! — сказа́л Мали́нин. — Да испрá-
вим мы ва́ши двóйки... то есть на́ши двóйки...

— Когда́?

— Юра, когда́ мы испрáвим двóйки? — спросíл
меня́ Кóстя.

— А ты, Мали́нин, своёй головы́ на плеча́х не имé-
ешь? — закрича́ла Кузя́кина.

— В чётверти испрáвим, — сказа́л я твёрдым го́ло-
сом, чтóбы внести́ окончáтельную я́сность в э́тот во-
про́с.

— Ребáта! Э́то что же получа́ется? Зна́чит, наш
класс до́лжен всю чётверть пережива́ть э́ти несча́стные
двóйки! — всполоши́лась Кузя́кина.

— Барáнкин! — сказа́ла Зíнка Фóкина. — Класс
постановíл, чтóбы вы испрáвили двóйки за́втра!

— Извинíте, пожа́луйста! — возмутíлся я. — За́в-
тра воскресёнье!

— Ничего́, позанима́йтесь! (Мíша Яковлев.)

— Так им и на́до! (Алик Но́виков.)

— Привяза́ть их верёвками к па́ртам! (Эрка Ку-
зя́кина.)

— А ёсли мы не понима́ем с Кóстей решёние зада́-
чи? (Э́то сказа́л уже́ я.)

— А я вам объясню́! (Мíша Яковлев.)

Мы с Кóстей перегляну́лись и ничего́ не сказа́ли.

— Молча́ние — знак согла́сия! — сказа́ла Зíнка

Фóкина.— Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придёте в школьный сад — будем сажать деревья!

— Что? — заорали мы с Кóстей в один гóлос.— Ещё и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

— Физический труд, — сказал главный редактор нашей стенгазеты, — лучший отдых после умственной работы.

— Это что же получается, — сказал я, — значит, как в óпере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

— Алик! — сказала староста нашего класса. — Смотри, чтобы они не сбежали!..

— Не сбежут! — сказал Алик. — Сделайте весёлое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... — Алик навёл фотоаппарат на нас с Кóстей. — И подпись...

СОБЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Очень важное!)

А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Кóстей всё ещё продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошарашены. Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда ещё наши ребята не брали нас с Кóстей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Кóстей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фóкина.

— Юра! — сказа́ла Зи́нка Фо́кина. (Вот странно! Раньше она́ всегда́ называ́ла меня́ то́лько по фами́лии.) — Юра... Ну будь челове́ком!.. Ну испра́вь за́втра двойку! Ну исправи́шь?

Она́ говори́ла со мной так, сло́вно мы бы́ли в клáссе совсе́м одни́. Сло́вно ря́дом со мной не сиде́л мой лу́чший друг Ко́стя Ма́линин.

— Фо́кина! — сказа́л я официа́льным го́лосом. — Если бы я был некульту́рный, я бы тебе́ сказа́л: «Не при-ста-ва́й!..»

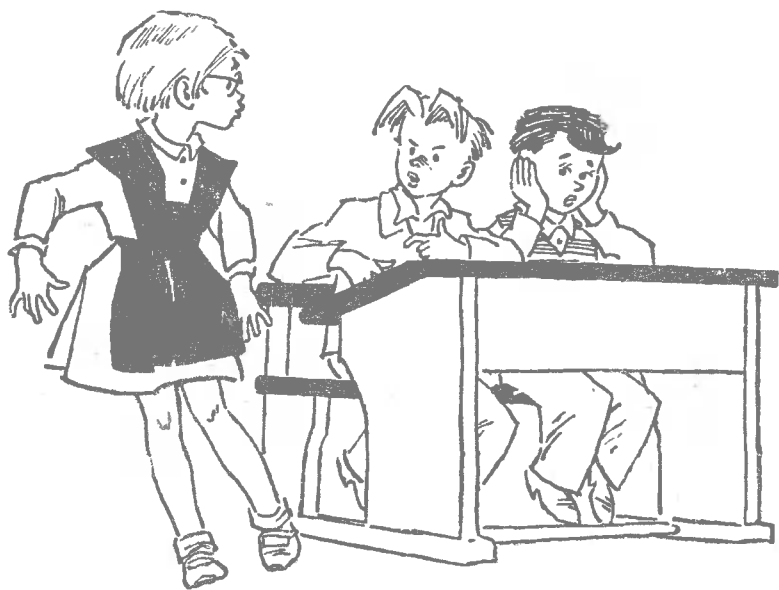
Фо́кина (возму́щённо). С тобо́й соверше́нно невозмо́жно разгово́ривать по-челове́чески!

Я (хла́днокро́вно). Ну и не разгово́ривай!

Фо́кина (ещё возму́щённей). И не бу́ду!

Я (ещё хла́днокро́вней). А сама́ разгово́риваешь!..

Фо́кина (возму́щённей в ты́сячу раз). Потому́ что я хочу́, что́бы ты стал че-ло-ве́-ком!

— А я что, я не человек, что ли?

— Нет, Юра! — сказала Фёкина серьёзно. — Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

— А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

— Как это устал? — спросила Фёкина изумлённым голосом.

— А вот так! Вот так! — возмущённо закричал я на Фёкину. — Устал, и всё! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фёкина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменялась и сказала:

— Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Всё, Баранкин!.. — и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком... Уже устал... А впереди ещё целая человеческая жизнь и такой тяжёлый учебный год... А завтра ещё такое тяжёлое воскресенье!..

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

Лопаты всё-таки вручают... И Миска вот-вот появится

И вот это воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены весёлой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы сидим во дворе на лавочке и ждём Миску Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольст-

вие, но заниматьея в выходной день, когда все отдыхают,— просто одно мучение. На дворе, как назло, замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-лётному.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, всё небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев жёлтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдёт град с голубиное яйцо, Машка побойтса выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Машка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и пыhtеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, всё получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с берёзы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать жёлтые листья.

— Эй вы, подберёзовики! — раздался из окна нашей квартиры мамин голос. — Вы пойдёте в конце концов заниматьея или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

— Мы ждём Яковлева!

— А разве без Яковлева начать нельзя?

— Нельзя! — сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Машка.

Но Машки всё не было. Вместо него за калиткой прятался, то и дело высываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлёржностями. Я, конечно,

не мог смотре́ть споко́йно на э́того шпио́на и по́этому отве́л взгля́д в сто́рону.

— Воскресе́нье называ́ется! — сказа́л я, сти́снув зу́бы.

В э́то вре́мя к Алику подошла́ Зи́нка Фо́кина; на плече́ она́ несла́ четы́ре лопа́ты, под мы́шкой у не́е бы́ла зажа́та кака́я-то карто́нная коро́бка, а в ле́вой руке́ сачо́к для ло́вли ба́бочек.

Алик сфотографи́ровал Зи́нку с лопа́тами на плече́, и о́ни вме́сте напра́вились к нам. Я ду́мал, что Алик взва́лит тепе́рь лопа́ты на сво́й плечи́, но э́того почему́-то не случи́лось. Все четы́ре лопа́ты продолжа́ла та́щить Зи́нка Фо́кина, а Алик продолжа́л держа́ться обо́ими рука́ми за фотоаппара́т, кото́рый висе́л у него́ на ше́е.

— Эй Вы, Фо́то-Граф,— сказа́л я Алику, когда́ о́ни вме́сте с Зи́нкой прибли́зились к скаме́йке.— Ка́жется, э́ти лопа́ты Вам не по плечу́, Ва́ше Прояви́тельство!

— Зато́ о́ни бу́дут по плечу́ вам с Ко́стей,— сказа́л, ничу́ть не сму́тившись, Алик Но́виков, наводя́ аппара́т на нас с Ко́стей.— И по́дпись: ста́роста кла́сса З. Фо́кина торже́ственно вруча́ет хозинвента́рь сво́им сооте́чественникам...

Зи́нка Фо́кина прислони́ла лопа́ты к сиде́нию скаме́йки, а Алик Но́виков ще́лкнул фотоаппара́том.

— Да,— сказа́л я, внима́тельно разгля́дывая лопа́ты.— Как в журна́ле «Ко́стёр» получа́ется...

— Что э́то ещё получа́ется? — спроси́ла меня́ Фо́кина.

— Зага́дочная карти́нка,— поясни́л я.

— Понима́ю,— сказа́л Алик.— Где у э́той лопа́ты ру́чка?

— Нет,— сказа́л я Алику.— Где ма́льчик, кото́рый бу́дет рабо́тать э́той лопа́той?..

— Баранкин! — возмутилась Зина Фёкина. — Ты что, ты не собираешься сегодня озеленять школу?

— Почему это я не собираюсь? — ответил я Зинке. — Собираюсь я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

— Баранкин, будь человеком! — сказала Фёкина.

Она хотела сказать нам с Костей что-то ещё, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя помрачнел ещё больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загипнотизированный, а я наоборот; я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться весёлым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остаётся совсем немного времени...

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

Семь выходных дней в неделе — вот что поразило моё воображение!

В кустах громко чирикали воробьи. Весёлыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкарá. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали чёрненькие муравьи. Один муравей даже залёз мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» — подумал я, с завистью глядя на воробьёв. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьёв и пришёл к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной

и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал всё, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской. Всё время — праздник! Семь дней в неделе — и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денёчек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойдёшь, принеси, отнеси, купи, подмети, помоги, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Фёкиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не спи-сывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобное...

В школе будь человеком!

На улице будь человеком!

Дома будь человеком!

А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободно-го времени ещё, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно, тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться её о-су-ществить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всём рассказать Косте Малинину. А может

быть, не сто́ит?.. Нет, сто́ит! Расскажу! А там будь что бу́дет!

— Ма́линин! — сказа́л я шёпотом. — Слу́шай меня́, Ма́линин!.. — От волне́ния я чуть бы́ло не задохну́лся. — Слу́шай!

Конечно́, е́сли бы мне не ну́жно бы́ло в э́тот выходно́й день занима́ться, а пото́м ещё и рабо́тать в шко́льном саду́, то я, мо́жет быть, никогда́ бы не подели́лся с Ко́стей своим не́вероятным и неслыханным за́мыслом, но дво́йка, красова́вшаяся в моём дневни́ке, и лопа́та, прислонив́шаяся ко мне своим черенко́м, перепол́нили, как говори́тся, ча́шу моего́ терпе́ния, и я реши́л де́йствовать.

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ

Еди́нственная в ми́ре инстру́кция

Ещё́ раз взгляну́л на о́кна на́шей кварти́ры, на не́бо, на воробье́в, на калитку, из кото́рой вот-во́т до́лжен был появи́ться Ми́шка Яковлев, и сказа́л по-настояще́му взволно́ванным го́лосом:

— Ко́стя! А ты зна́ешь, что утвержда́ет моя́ ма́ма?!

— Что? — спроси́л Ко́стя.

— Моя́ ма́ма утвержда́ет, — сказа́л я, — что е́сли по-настояще́му захоте́ть, то да́же курно́сый нос мо́жет превра́титься в орли́ный!

— В орли́ный? — переспроси́л Ко́стя Ма́линин и, не понима́я, к чему́ э́то я говори́ю, уста́вился в сте́ну на́шего до́ма, на кото́рой бы́ло напи́сано ме́лом:

БАРАНКИН ФАНТАЗЁР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

— В орли́ный! — подтверди́л я. — Но то́лько е́сли захоте́ть по-настояще́му.

Ма́линин отве́л свой взгляд от забо́ра и недове́рчиво посмотре́л на мой нос.

Мой про́филь был по́лной противополо́жностью орли́ного. Я был курно́сый. По выраже́нию моёй ма́мы, я насто́лько курно́с, что че́рез ды́рочки моего́ за́дранного кве́рху но́са мо́жно разгляде́ть, о чём я ду́маю.

— Так что же ты ходи́шь с таким но́сом, е́сли он мо́жет у тебя́ преврати́ться в орли́ный? — спроси́л Ко́стя Ма́линин.

— Да я не о но́се, дурале́й!

— А о чём? — всё ещё не понима́л Ко́стя.

— А о том, что, е́сли по-настояще́му захоте́ть, зна́чит, мо́жно из челове́ка преврати́ться, к приме́ру, в воробья́...

— Это заче́м же нам превраща́ться, к приме́ру, в воробье́в? — спроси́л Ко́стя Ма́линин, глядя́ на меня́ как на ненормаль́ного.

— Как — заче́м? Преврати́мся в воробье́в и хоть о́дно воскресе́нье проведе́м по-челове́чески!

— А как э́то — по-челове́чески? — спроси́л удиви́ленно Ма́линин.

— По-челове́чески — зна́чит по-настояще́му, — поясни́л я. — Устро́им себе́ настоя́щий выходно́й день и отдохне́м как полага́ется от э́той арифме́тики, от Ми́шки Яковлева... от всего́ на све́те отдохне́м. Ко́нечно, е́сли ты не уста́л быть челове́ком, тогда́ мо́жешь не превраща́ться — сиди́ и жди Ми́шку...

— Как э́то — не уста́л? Я о́чень да́же уста́л быть челове́ком! — сказа́л Ко́стя. — Мо́жет, побольше́ твоего́ уста́л!..

— Ну вот! Вот э́то по-това́рищески!

И я с ещё бо́льшим увлече́нием стал расписа́ывать Ко́сте Ма́линину ту жизнь, без всяких забо́т и хлопото́в, кото́рая, по моему́ мнени́ю, ожида́ла нас, е́сли бы нам удало́сь ка́ким-то о́бразом преврати́ться в воробье́в.

— Вот здо́рово! — сказа́л Ко́стя. — Вдох — вы́дох!

— Ко́нечно, здо́рово! — сказа́л я.

— Подожди! — сказа́л Кос́тя. — А как же мы с то́бой бу́дем превра́щаться? По ка́кой систе́ме?

— Не чита́л, что ли, в ска́зках: «Сту́кнулся об зе́млю и превра́тился Ива́нушка в орла́ быстрокры́лого... Сту́кнулся ещё раз об зе́млю и превра́тился...»

— Слу́шай, Юрка, — сказа́л мне Кос́тя Ма́линин, — а э́то обяза́тельно — сту́каться об зе́млю?..

— Мо́жно и не сту́каться, — сказа́л я, — мо́жно и при по́мощи настоя́щего жела́ния и волше́бных слов...

— А где же мы с то́бой возьме́м волше́бные слова́? Из ста́рой ска́зки, что ли?

— За́чем — из ска́зки? Я сам приду́мал. Вот... — Я протяну́л Кос́те тетра́дь, тетра́дь, ко́торую ещё никто́ не ви́дел на све́те, кро́ме меня́.

— «Как превра́титься из челове́ка в воро́бья по систе́ме Ба́ранкина. Инстру́кция», — прочита́л Кос́тя сви́стющим шёпотом на́дпись на обло́жке тетра́ди и переверну́л пе́рвую страни́цу...

СОБЫТИЕ ВОСЬМОЕ

. «Не хочú учи́ться, хочú быть пти́цей!..»

— «Не хочú учи́ться, хочú быть пти́цей!..» А э́то что, стихи́, что ли? — спроси́л меня́ Кос́тя.

— Не стихи́, а заклинáние. В ри́фму... — поясни́л я. — В ска́зках так все́гда полага́ется. Чита́л в «Сне́жной короле́ве»? Снип-снап-снур-ре пурре-ба-зеле́орре...

— «Я уве́рен, без за́бот воро́бей живёт! Вот я! Вот я!..» А да́льше неразбо́рчиво...

— Че́го неразбо́рчиво? — сказа́л я. — «Вот я! Вот я! Превраща́юсь в воро́бья!..»

— Скла́дно полу́чается! — сказа́л Кос́тя.

— Всю́ ночь не спал, — сказа́л я шёпотом, что́бы нас с Кос́тей кто́-нибудь не подслу́шал.

— А что ж мы с тобою теряем время? — крикнул Малинин. — Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришёл!

— Ты какой-то чудак, Малинин! Как это — скорей? Может, у нас с тобой ещё ничего не получится, а ты уже радуешься да ещё орёшь на весь двор!

— Ну и что?

— Как это — ну и что! Дело тайнственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает — потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

— Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да ещё если захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! — сказал Костя шёпотом.

— Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это — захотеть по-настоящему? Вот в чём загадка! — прошептал я. — Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?

— Не знаю, — тихо сказал Костя.

— Ну вот! А говоришь — скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьёв. Вот какая задача!

— А зачем — в воробьёв? В бабочек, я думаю, легче.

— Зачем же в бабочек? Бабочки — насекомые, а воробьи — это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьёв. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.

— Верно. Я про воробьёв не слушал.

— Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?

— В воробьёв так в воробьёв! — сдалься Костя Малинин. — Я в драмкружке в «Снежной королеве» воруна играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорее!

— Тебе бы только скорее! Сначала надо хоть немного потренироваться, — сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

— Похоже! — сказал Костя, повторяя за мной все движения. — Чик-чирик!

— Ну вот что! — сказал я. — Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробьиную походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю

— Тяжело! — сознался Кóстя, для равновéсия раз-
мáхивая рука́ми, как крýльями.

— Ничего́,— успоко́ил я Маlíнина,— когдá мы
ста́нем настоя́щими воробья́ми, пры́гать бу́дет лёгче.

Кóстя хотёл ещё немно́го попрýгать, но я ему́ ска-
за́л, что трениро́вка окóнчена и что тепе́рь мы перехо́-
дим к са́мому гла́вному — к превраще́нию челове́ка
Маlíнина и челове́ка Ба́ránкина в воробье́в.

— Замри́! — скомáндовал я Кóсте Маlíнину.

— За́мер!

— Сосредото́чься!

— Сосредото́чился! — отве́тил Кóстя.

— А тепе́рь по кома́нде, мы́сленно, как говорíтся,
в своём воображе́нии, начина́й превраща́ться в во-
робья́! Поня́тно?

— Поня́тно!

— Если поня́тно, тогдá к превраще́нию из челове́ка
в воробья́ пригото́вились!

— Пригото́вились!

— Нача́ли!

— Нача́ли!

Я зажму́рил глаза́, напру́гся и, мы́сленно повто́ряя
слова́ заклинáния, нача́л изо всех сил мы́сленно, в сво-
ём воображе́нии, превраща́ться в воробья́, сомнева́ясь
про себя́ в том, что у меня́ хва́тит настоя́щего жела́ния
и настоя́щих сил, необходи́мых для тако́го неслы́ханно-
го и неvíданного и, мо́жно сказа́ть, необы́чного зада́-
ния...

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

СОБЫТИЕ ДЕВЯТОЕ

Стоит захотеть по-настоящему и...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить голос. По моим расчётам, этот аппарат (я его называл ТИХОФОН БЮ-1 — отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чём-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чём-нибудь интересном; я щёлкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я захожу утром в класс. Зинка Фёкина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щёлкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фёкиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пят-

на́дцать — двáдцать лет, как стано́вятся все норма́льные лю́ди, а на́завтра же. Ска́жем, так: спать ты ло́жишься ещё мальчи́шкой, просыпа́ешься у́тром, смóтришь — ты уже́ взро́слый, с уса́ми, и в шко́лу и́дти́ не на́до... Желáние моё́ было́ ужáсно си́льным, я да́же во сне то́лько об э́том и ду́мал. Утром пе́рвого сентяб́ря я просну́лся, коне́чно, порáньше. Смотрю́ — лежу́ в постёли́ та́ким же, как усну́л, без усóв, и на́до и́дти́ в шко́лу...

Бы́ли у меня́ и други́е си́льные желáния, но ни о́дно из них не захва́тывало меня́ вот так, по-насто́ящему, как желáние превра́титься из челове́ка в воробья́!..

Я сидёл на ла́вочке не шевеля́сь, не отвлека́ясь, не размышля́я ни о чём посторо́ннем, и ду́мал то́лько об о́дном: «Как бы мне скорéе превра́титься в воробья́». Я ждал наступле́ния э́того момéнта с тако́й си́лой, с како́й не ждал да́же нача́ла ле́тних кани́кул. А то, что во дворе́ с мину́ты на мину́ту до́лжен был появи́ться Ми́шка Яковлев, то́лько удесятeряло мой си́лы и наме́рения.

Снача́ла я сидёл на ла́вочке прóсто так, как сидя́т все обыкнове́нные лю́ди, и не чу́ствовал ниче́го о́собенного. В го́лову по-пре́жнему лéзли вся́кие неприятные челове́ческие мы́сли: и про дво́йку, и про арифме́тику, и про Ми́шку Яковлева, но я стара́лся обо всём э́том не ду́мать. Я счита́л, что е́сли уж я реши́л твёрдо превра́титься в воробья́, то и ду́мать на́до то́лько исклю́чительно о чём-нибу́дь воробьи́ном. Че́рез не́которое вре́мя я заме́тил, что у меня́ в голо́ве наконéц-то вме́сто челове́ческих мы́слей ста́ли появля́ться и нечелове́ческие. Так, наприме́р, мне внеза́пно захотéлось немно́го пощебетáть на воробьи́ном языке́.

Вслед за мы́слями ста́ли возника́ть са́ми по себе́ ра́зные нечелове́ческие желáния и наме́рения: то мне хотéлось спорхну́ть с ла́вочки и немно́го полета́ть по

воздуху, то посидеть на самой вершине берёзы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чём-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двóйка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение,

а Мíшка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли всё скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечистого, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеваться дóсыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки словно сумасшедшие носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овёс? Мурашки — это ещё мне понятно, это я, наверное, ноги отсидёл, а при чём здесь овёс?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с варень-

ем ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь всё-таки человек, а не лошадь! Сажу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно.

Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-нибудь такого...» — и поэтому я решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю — у меня вместо ног, обутых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю — вместо рук у меня крылья. Открываю глаза ещё больше, верчу головой, гляжу — сзади торчит хвост. Это что же получается! Получается, что я всё-таки превратился в воробья!

Я — воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробьиный воробей!

Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овёс — любимое кушанье лошадей и воробьёв! Всё понятно! Нет, не всё понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была права. Значит, если по-настоящему захотеть, то можно действительно всего достигнуть и всего добиться!

Вот это открытие! О таком открытии стоит, пожалуй, прочирывать на весь двор. Да что на весь двор — на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выпятил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина — и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте Малинину не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

СОБЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

Что на воробьином языке означает...

Косте Малинину не удалось превратиться в воробья!

Он пыжился, жмурился, всё время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» — и всё безрезультатно. А ещё торопил меня, а ещё кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьёв! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

— Малинин! — закричал я на Костю. — В чём дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетело обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чйу-чйу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

— Баранкин! — сказал он. — Это ты, Баранкин?..

— Чйо! Чйо! Чья! Чья! — ответил я по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаёшь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел ещё больше — наверное, от зависти! — и чуть даже не разревёлся.

— Как же это у тебя получилось? — спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

— Чень-чень-чень! Чик-чик-чйк!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!)

Затем между мною и Костей произошёл следующий разговор на разных языках:

Костя (со слезами на глазах). Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирік! Чим-чирім!
(Откуда я знаю!) Чирік-чирівить-чійть! (Наверное, хотел не по-настоящему!)

Костя. Что ты на меня чвйкаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-чик! Чуть-чуть-чвим-чім! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей!) Чеп-чик! Чичи-нйп!

Костя. Ещё «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему сказал: «Не падай духом, Малинин! Ещё раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чиркать в ответ. Мне самому тоже было это неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьев — и вот вам, пожалуйста. Конечно, быть воробьем одному не так интересно, как вдвоем.

Я махнул крылом. Взлетел. Уселся на заборе злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Всё пропало! Теперь Малинин уж ни за что не успеет превратиться.

— Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! — донёсся до меня снизу голос Кости Малинина.

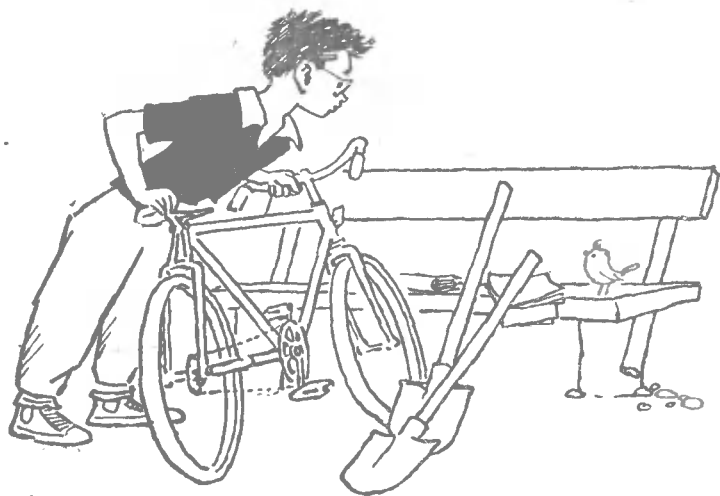
Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

— Чим-чим-чім! Чер-чили́м! Чер-чили́м! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учить поведёт!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем,неважно, с какой попытки, важно, что превратился.

— Костя,— крикнул Мишка, слезая с велосипеда,— Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья

(который был вóвсе не воробей, а Кóстя Мали́нин — вот смехотá!), оглядёл весь двор, потóм посмотре́л на нáше окнó, из которóго показáлась головá моёй мáмы.

— Здравствуй, Мíша! — сказа́ла ма́ма. — А где же Юра и Кóстя?

— А я как раз хотёл вас об э́том спроси́ть! — сказа́л Яковлев. — Учёбники и лопáты на лáвочке лежа́т, а их нет...

— Вот сорванцы́! — сказа́ла ма́ма. — Навéрное, на у́лицу убежа́ли... Ты, Мíша, заходи́ в ко́мнату, о́ни сейча́с верну́тся!

Мíшка положи́л Кóстины учёбники на седло́ и скры́лся в подьёзде, а я слетёл с забóра на лáвочку к Кóсте Мали́нину.

— Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чу́ть! — сказа́л я Кóсте. (Молоде́ц, Мали́нин! Преврати́лся всё-таки!)

На что мне Кóстя прочири́кал:

— Че-че-че? (Че́стное сло́во?)

— Че-че-че! — сказа́л я. — Чуф-чуф-чу́ф! Чи-чи-чи́! (Че́стное сло́во! Откро́й глаза́ и уви́дишь!)

И Кóстя откры́л свой голубы́е, как у девчо́нки, глаза́... Глаза́ у него́ так и оста́лись голубы́ми! Воробей с голубы́ми глаза́ми! Здо́рово!

Стои́т на ла́пках, качáется, хвостóм сам себе́ равнове́сие помога́ет держа́ть и от удивле́ния всё ещё прийт́и в себя́ ника́к не мо́жет.

А я вы́тер крыло́м пот со лба́ и сказа́л:

— Всё в порядке! (Ч-уфф!)

— Ч-уфф! (Всё в порядке!) — сказа́л Кóстя Мали́нин и то́же вы́тер крыло́м лоб.

Мы обня́лись и, подпры́гивая от ра́дости, закружи́лись по скаме́йке...

СОБЫТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Встрѣча с бесхвостым

— Сей-час нае́дмся овса́,— сказа́л я Кóсте Ма́ли-нину,— и пом-чим-чим-ся! Полети́м!

— Куда́?

— Мо́жно напра́во, мо́жно нале́во. Раз мы с тобо́й преврати́лись, то тепе́рь всё мо́жно.— Я по́днял крыло́, оста́вил ла́пку и прочита́л с выраже́нием: — «Мы во́льные птй-ти-ти-цы! Пора́, брат, пора́! Туда́, где за мо́рем беле́ет гора́!..» О́дним сло́вом, куда́ захо-т́им-тим, туда́ и поле-т́им-тим! Вот кака́я жизни́!

Ма́линин засме́ялся.

— Юр-чи-чйк! — сказа́л он.— В воробья́ ты пре-врати́лся, а клюв у теб́я оста́лся курно́сым. Чу-чу-деса́!

— Врёшь!

— Ни-чу́ть, ни-чу́ть!

— А у теб́я глаза́ голу́быми оста́лись, как у дев-чо́н-ки! Че́п-чик!

Я спорхну́л с ла́вочки к лу́же и стал смотре́ться в во́ду. Клюв у меня́ действите́льно оста́лся курно́сым, и вооб́ще я весь получи́лся како́й-то се́рый, и пе́рья у меня́ топо́рщились во все сто́роны, и на лбу торча́л хохоло́к... Кóстя Ма́линин вы́глядел совсе́м по-друго́му: у него́ была́ нарядная бе́лая гру́дка с га́лстуком, сам он был весь чи́стенький, акку́ратненький, с пригла́женными пе́рышками, как бу́дто он то́лько что из па-рикма́херской вы́летел.

Впро́чем, я ничу́ть не расстро́ился: я, когда́ был че-лове́ком, то́же не отлича́лся о́собенной красо́той и ак-кура́тностью. Поду́маешь, курно́сый так курно́сый. Взъеро́шенный так взъеро́шенный.

Не в э́том де́ло. Де́ло в том, что я во-ро-бе́й и что тепе́рь мне никто́ и ничто́ не мо́жет испор́тить моего́ за-меча́тельного воробьи́ного настро́ения. А настро́ение

у меня было действительно замечательное! Ещё бы! В голове совершенно пусто — ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день! Заме-ча-ча-тельный день! Че-че-ресчур заме-ча-тельный.

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

— Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

— Заме-ча-тельная! — чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

— А что я тебе говорил? А ты говорил: «Превратимся лучше в бабочек!» Давай искупаемся!

— Холодно! Давай лучше овёс искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овёс на нашем дворе оказалось делом нелёгким. Мне попадались и конопляные зёрнышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса всё не было.

— Ты че-чего дерёшься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

— Я скачущу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, — вижу, в траве овёс лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дёргает! Хулиганство какое!

— Ты че-чего к маленьким пристаёшь? — спросил я, подскакивая к здоровенному воробью. — Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

— Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птёнчик на мой овёс разлетёлся? На чу-чу-жбой двор заявились да ещё

распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробьиному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост — трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молячит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку. А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

— Эй ты, кучый! — сказал я. — Вставай! У нас лежачего не бьют! Можешь проваливать... Впроб-чем-чем,

можешь и остаться. Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овёс?

— Здесь, в траве. Вот ов-син-синки, и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мой слова никакого внимания. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

— Чёп-чик!—крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

— Сам ты чёп-чик!—сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку.— Не мог без меня дать сдэ-чи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал весёлый-превесёлый.

— А здорово ты его чеб-чеб-бурахнул!—сказал Костя, выгребая из травы зёрнышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок. Я поточил клюв о камешек и ещё крепче зажал зёрнышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

— Кошка!—услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина и обернулся...

СОБЫТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Кошка Муська хочет меня съесть

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привёсился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

— Кошка! Сзэди тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять,

что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто во дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьём, я бы ни за что с ним не связывался.

— Юр-чик! Скорей улетай! — продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. Я бочком подскочил к ней. И в этой незнакомой кошке сразу же узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я ещё сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я её прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

— Здорово, Муська! — чирикнул я обрадованно. — Чу-чу-чуешь, кто я такой или нет? Ты что, не узнаёшь своего хозяина, что ли? Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дачка! А вон на дереве Костя Малинин. Тоже не узнаёшь?.. Костя, не бойся, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

— Ты с ума сошёл! — снова затрещал на акácii Малинин. — Она же тебя съест!

— Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошёл! Ты какой-то, Малинин, чу-чу-чумовой!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжёлое и подмяло под себя. «Муська!» — успел подумать я и рванул из всех сил в сторону и вверх по направлению к акácii, на ветках которой продолжал чокать и трещать Костя Малинин. Я летел, как камень из рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акácii я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать.

В. вóздухе мéдленно, как ры́бки в аква́риуме, пла́вали вы́бранные из моего́ бо́ка ма́ленькие пёрышки.

— Полу-чи-чыл! Полу-чи-чыл! — продолжа́л злора́дно трещать Кóстя Мали́нин.

— Ни́че-че-го́ не по-нима́ю, — чири́кнул я. — Така́я знако́мая ко́шка... Мо́жно сказа́ть, родна́я...

— «Родна́я, знако́мая»... Скажи́ спáсибо, что вы́вернулся...

— Ба́ранкин пе́ред ко́шками нико́гда не от-ступáл!

— Хра́брый како́й! Расчи-чи-ри́кался: «Иди́ сюда́, я тебя́ не съем, чу-да́ч-ка!»! Сам чу-чу-да́к! Ты забы́л, что ли, что ко́шки е́дят воро́бьёв?

— Да не́т, — сказа́л я, — прóсто я ещё́ не при-вы́к к то́му, что я во-ро́бей!

— «Не при́вык»! А поче́му́ же я сра́зу

при́вык? — сказа́л Кóстя и доба́вил: — Вот съела́ бы тебя́ тво́я родна́я Му́ська, что бы я твоёй ма́тери сказа́л?

Я предста́вил на се́кунду, что бы́ло бы, е́сли бы мне

действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня всё равно зашевелились и встали дыбом.

— Что это с тобой? — спросил меня Костя.

— Да так... Жарко! — сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

СОБЫТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О чём чирикают бабушки

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облёзлого воробья.

— Ты, птён-чик желторотый, — сказал мне старый воробей, — я тут всё время за тобой с берёзы наблюдал. Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

— А что вам от меня надо?

— Ты не груби старшим.

— Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять преобладающе клюнул меня в шею.

— Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

— А я не чуфырюсь!

— А что это ты про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы птенч-птенч-птёнки! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуждились, а теперь все чуждятся.

Стоило превращаться в воробья, чтобы выслушивать эту чеп-чеп-чепуховую нотацию. Да у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

— Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? — спросил меня старик.

— Ничьи! Ничьи! — сказал я, срываясь с ветки и увлекая за собой Костю Малинина.

— «Чуждись, не чуждись!» — сказал Костя, рабобая крыльями. — Чок-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не занятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробья, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь всё как-то не налаживалась, и вообще всё шло совсем не так, как я ожидал. Время идет... Завтра, между прочим, снова в школу...

Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов впереди ещё целый день — жизнь наладится, и всё будет хорошо. Главное, не надо отчаиваться и терять надежды.

Покружив в воздухе, мы опустились с Костей на дерево. На дереве не было ни одного воробья.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать её под крыло, как вдруг у меня над

ухом что-то противно свистнуло. Раздálся щелчóк. Посыпались листья. Ну что ещё такое? В чём дело? Я открыл глаза и посмотрел вниз.

СОБЫТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Дальнобóйная рогáтка с опти́ческим прицёлом

Вóзле лáвочки, на котóрой мы ещё недáвно сидели с Кóстей Мали́ниным, стоял мой сосéд по квартирe, белобры́сый Вёнька Смирнóв, и отвратительно щу́рился. В руках у него́ была́ рогáтка с опти́ческим прицёлом. Рогáтку я узнал сразу. Никто́ лúчнее меня́ не делал таких дальнóбóйных рогáток. Вёнькину рогáтку тóже смастерил я по его́ личнóй прóсьбе.

Вёнька смотре́л на меня́ в опти́ческий прибор. Я смотре́л на Вёньку. На Вёнькином лице́ бýло написано: «Не попал! А жаль!..» Так. Мáло того́ что меня́ чуть-чуть не слóпала кóшка, тепёрь в меня́ стреляют из рогáтки, сде́ланной мо́ими же рука́ми.

— Ну, подожди, Вёнька! — чирикнул я с дёрева. — Подожди, белобры́сый! Когда́ я о́пять превра́щусь в че-че-лове́ка, я тебе́ покажу́, как стрелять в меня́ из рогáтки!

Не обраща́я ника́кого внима́ния на моё чири́канье, Вёнька нагну́лся и стал иска́ть ка́мень. Мы с Кóстей перегляну́лись и, не сговáриваясь, одновременно рвану́ли с дёрева. Я реши́л улетéть подáльше от нáшего двора́, подáльше от кóшки Мýськи, от белобры́сого Вёньки с рогáткой, от э́тих драчли́вых и негостепри́мных воробьёв. Мы пролета́ли о́дин двор за дру́гим. С высоты́ нáшего пти́чьего полёта оказа́лось, что в нáшем го́роде ко́шек бýло го́раздо бо́льше, чем я предполагáл, когда́ был челове́ком. Мальчи́шек с рогáтками тóже бýло мно́го. Это откры́тие меня́ расстро́ило.

Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может окончиться очень плохо для воробьев. Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Ташится где-то там, в хвосте, отстаёт всё время и вообще летит с таким видом, как будто он мне одолжение делает.

— Че-че-го ты всё время отстаёшь? — не вытерпел я и напустился на Костю. — Тяну́чка противная!

— Я устал!

— «Устал»!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

— Я не лететь устал. Я устал быть воробьём!

— Подумаешь! Полчасá всего как воробей — и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями?! Знал бы, не связывался с тобой!

Я высмотрел сверху небольшой сквер и спланировал вниз.

— Можешь отдохнуть! — сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но вдруг над нами раздался голос:

— Вот они где, бездельники! Я их послала за солёной, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..

СОБЫТИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери

Я взглянул вверх и увидел толстую воробьишу, свесившуюся с соседней ветки. Это она назвала нас своими сыночками.

— А почему вы молчите, почему вы ничего не отве-че-че-чаёте своей мамочке?

— Ниче-го не понимаю! — шепнул мне Костя. — Почему она называет себя нашей мамочкой?

— А че-че-го тут непонятного? Наверное, она приняла нас за своих птенцов.

— А мы что, похожи?

— Откуда я знаю...

— По-чему вы пря-че-тесь от своей мамо-чки? — продолжала щебетать воробьиша. — Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, на этот раз я вам ничего не сделаю.

— А может, мы действительно похожи на её сыновей?

— Может, и дей-стви-тви-тельно!

— Этого ещё не хватало! Извините, гражданик! — сказал Костя. — Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

— Это что ещё за гражданик! — заверещала воробьиша. — Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою мамо-чку!

Воробьи, сидевшие целой стайей на соседнем дереве, громко возмущались, а толстая воробьиша так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в шею.

Костя заорал.

— Тё-тень-ка! — вступился я за своего друга. — Че-че-стное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное прече-че-стное!

— Смотрите, воробьи добрые, и этот не хо-чет при-

знавать свою мамо-чку, — затрещала воробья, под-
скакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей ещё громче, а наша «мамочка» задала нам такую трепку, что из нас с Костей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробью «мамочкой».

— Тó-то! — мгновенно успокоилась воробья. — А тепёрь, сыночки, летим! Учи-чётся вить-вить гнездó!

— Как — учи-чётся? — закричали мы с Костей в один голос.

СОБЫТИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мы с Костей учимся вить гнездó

— Вы что, всё позабыли, что ли? — сказала воробья. — Вчера ваша мамочка учила вас, как нужно вить-вить гнездó, а сегодня будете вить-вить сами!

— Интересное дело! — чирикнул тихо Костя. — Почему ты мне не сказал, что воробьи тоже учатся?

— А откуда я мог знать?

— А за-чём ты говорил, что у воробьёв замечательная жизнь?

— Это же не я, это Нина Николаевна говорила, — соврал я. — Вот привязался!

— В общем, ты как хочешь, а я лично не буду учиться вить-вить гнездó! — прочирикал Костя.

— Кто сказал, что не хочет учиться вить-вить гнездó? — спросила грозно воробья, подлетая к нам.

— Это не он сказал, это я сказал! — чирикнул я, загоразживая Костю, и добавил: — А драться, по-моему, не-педаго-гично!

— Что! Ты где это таких слов нахватался?

Воробья изо всех сил клюнула меня в спину и

— Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет
свою мамочку!

погнала нас вме́сте с Ко́стей на сосе́днее де́рево, где бы́ли загото́влены впрок соло́минки, ко́нский во́лос и дру́гие строи́матери́алы.

— Зна́-чи-чит, гнездо́ вьётся так...— защебетала воробьи́ха.— В клюв берётся соло́минка и свора́чивается в ко-леч-ко... Ну́-ка, повто́рите, сыно́чки!

— В клюв берётся соло́минка,— прочири́кали мы с Ко́стей хо́ром,— и свора́чивается в ко-леч-ко...

Уро́к нача́лся. Мы с Ко́стей, не глядя друг на дру́га, с отвраще́нием взяли в рот по соло́минке.

«Интересно́, быва́ют у воробье́в на уро́ках переме́ны?..» — подумал я с тоско́й, свора́чивая соло́минку в колёчко так, как учи́ла нас то́лстая воробьи́ха.

— За-те́м, зна́-чит!..— продолжа́ла щебетать воробьи́ха, ло́вко укла́дывая соло́минки и приме́няя их гру́дью.— За-те́м, зна́-чит!..

Но что де́лается «за-те́м», мы так и не узна́ли, по́тому что в э́ту мину́ту к нам свали́лся с не́ба пра́мо на го́лову то́лстый ры́жий воробе́й. Ве́тка, на кото́рой мы сиде́ли, так и закача́лась под его́ тяжёстью.

— Па́по-чка прилете́л! Чи́канька наш! Чи́ка! Чи́ка! Чи́ка! — обра́довалась воробьи́ха, приседа́я и раска́чивая ве́тку ещё сильнее́.

Мы раскри́ли с Ко́стей от удивле́ния клю́вы и вы́ронили соло́минки и уста́вились на ры́жего воробья́ Чи́ку, кото́рый, по сло́вам то́лстой воробьи́хи, был нам с Ко́стей родны́м па́почкой...

СОБЫТИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Дра́ка за скворе́чник

— Скорей, сыно́чки! Скорей, воробья́тки! — затре́пал ры́жий дяденька-воробе́й, похло́пывая себя́ кры́льями по то́лстым но́жкам и бока́м.— Стрижи́ уле-

тают на юг! Освобождается скворечник-чник. Чудесный сквореч-ник!

— Сквореч-чник-чник! — зачирикала радостно воробьяха. — Моя мечта! Меч-та! Меч-та!

— Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придётся подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

— Ле-тим-тим-тим! — подхватил я, решив, что уж лучше драться за скворечник, чем учиться вить гнездо.

— А может, не надо драться... Может, лучше поучим-чим-ся вить-вить гнездо! — пискнул Костя Малинин.

— Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоёшь зимой, когда будет холодно!

— Вот именно! — поддакнул я рыжему воробью.

Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикая, рванулся вперёд, показывая нам направление. Воробьяха пристроилась сзади, и, как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом подгоняла нас и поддавала нам жару.

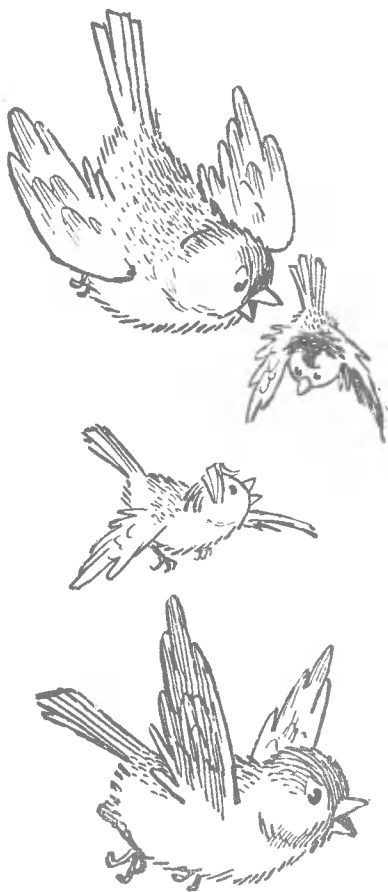
— Чур-чур, не отставать! Чур-чур! Вперёд! Вперёд! Чур-чур! — трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

— Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! — сказал мне Костя на лету. — Если уж ты на всю жизнь решил остаться воробьём, и оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбежусь! Улечу, и всё!

— Тише, чудак! Всё дело испортишь! Сейчас от этого рыжего всё равно подобрё-поздорову не отвяжешься!

— Что же делать? У меня уже сил больше нет быть воробьём!

— Что делать? Сбежим по дороге! Жди сигнала!

С Баранкиным не пропадёшь!

— Не пропадёшь? Как же! С тобой как раз, того и гляди, пропадёшь! — простонал Костя Малинин.

И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и всё из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник?!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробьях всё время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело оборачивалось хуже, чем я предполагал. Если мы ввяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он и на земле не приспособлен к драке, а тем более с воробьями, да ещё в воздухе.

Не успел я подумать об этом, как вдруг неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей «семьей» врзались в стаю воробьев, дерущихся в каком-то незнакомом саду за тот самый скворечник, о котором мечтали наши «родители».

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же

потеряв из виду своих «родителей». Справа, слева, сверху и снизу, отчаянно чирикая, кружились совершенно чужие и незнакомые нам воробьи.

Костя Малинин догадался сразу вцепиться клювом в мой хвост, и правильно сделал, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиваться было, конечно, трудновато, но я довольно ловко увертывался от налетающих на меня воробьев, осыпая их всякими угрозами и проклятиями. Хорошо, что я совсем недавно прочитал книжку о фигурах высшего пилотажа. В этом воробьином бою всё это мне очень здорово пригодилось...

Я взмывал вверх по всем правилам, падал на крыло, взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полёте мне удалось выйти из воробьиного окружения. Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились из последних сил наутёк от этих проклятущих воробьев.

— Бей их чем-чем-чем попало! — раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся птиц отделились четыре воробья и устремились за нами вслед...

СОБЫТИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Костя Малинин «начирикался»

— Кончается это когда-нибудь или нет? — просто-наль Малинин, прибавляя ходу.

— Вот эти громче всех чирикали! — крикнул кто-то сзади.

Преследующие нас воробьи стали заходить нам в хвост.

— Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чи-рика-ли! — оправдывался я на лету.

— А за-чем-чем прилетели?

— Ни за чем. Так просто — посмотреть!

— Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!.. Сейчас мы из вас пустим пух!

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они задали бы нам взбучку и пустили бы из нас пух и перья, если бы я не применил на лету один остроумный боевой приём, который у лётчиков называется «бóчкой». Выбрав удобный момент, я подпустил преследователей к себе поближе, потом совершенно неожиданно перевернулся в воздухе на спину и лягнул одного из наседающих на меня воробьёв ногами — воробей отлетел в сторону и шмякнулся о забор.

— Ага! — закричал я страшным голосом. — Барранкин в воздухе! Берегись!

Я лягнул другого — и другой отлетел. Так я летел, и орал, и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные стороны всех преследователей. Противники, не имевшие, конечно, никакого понятия о высшем пилотаже, совершенно растерялись и стали отставать, отставать, отставать... Пользуясь замешательством воробьёв, мы, прибавив ходу, скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на первую попавшуюся крышу.

От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на кипящем чайнике.

— Кóнечно! — сказал Кóстя, еле переводя дух. — Ты как хочешь, а я лично на-чи-рикался! Всё!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из последних сил ругать меня за то, что я всё ему наврал с три короба про замечательную жизнь воробьёв.

— А ещё целый месяц наблюдал за ними... — сказал Малинин, передразнивая мой голос: — «У них жизнь без забот! У них жизнь без хлопот»!..

— А что я, виноват, — сказал я, — если мне так показáлось!..

А Кóстя Мали́нин сказа́л:

— Я говори́л, что нам на́до бы́ло сра́зу в ба́бочек преврати́ться. Ба́бочки и гне́зд не вяют, и ко́шки их не е́дят, и пита́ются о́ни не овсо́м, а сла́дким некта́ром. Ох, и вку́сная, наве́рное, штука!..

Я промолча́л. В жи́зни ба́бочек Кóстя Мали́нин, коне́чно, го́раздо лу́чше меня́ разбира́лся. У него́ о́дно вре́мя да́же была́ их це́лая коллэ́кция, то́лько он её променя́л на ма́рки. Веро́ятно, Кóстя был прав и нам действи́тельно сле́довало сра́зу же преврати́ться в ба́бочек. Замáнчиво, коне́чно, це́лый день порха́ть с цветка́ на цвето́к и всё вре́мя есть сла́дкое...

И всё же, пре́жде чем нача́ть превраща́ться в ба́бочек, я хоте́л расспроси́ть Кóстю поподробнее́ об их жи́зни. А то как бы нам не напорóться во второ́й раз...

— А по́мнишь, нам Ни́на Никола́евна рассказы́вала, — сказа́л я, — что ба́бочки опы́ляют цвето́к!..

— Ну и пусть опы́ляют себе́! — сказа́л Кóстя. — А мы с тобо́й не бу́дем! Дурако́в нет!

Несмотря́ на то что в Кóстином отве́те была́ своя́ желе́зная ло́гика, я всё-таки реши́л ему́ зада́ть ещё о́дин вопро́с.

— А как у ба́бочек в смы́сле уче́бы? — спроси́л я. — Мо́жет, о́ни то́же чему́-нибудь у́чатся?

— Ты ещё до́лго мне бу́дешь вопро́сы задава́ть? Вон уже́ ко́шки появи́лись! — заора́л на меня́ как очу́мелый Кóстя Мали́нин.

Я ду́мал, он меня́ разы́грывает. Смотрю́ — из черда́чного окна́ действи́тельно вы́лезли три ко́шки, перема́занные у́глем, и уста́вились на нас с Кóстей. Две из них мне бы́ли соверше́нно незнако́мы, а тре́тья была́ на́ша Му́ська. Ви́дно, она́ всё-таки оконча́тельно реши́ла меня́ съесть. Рассужда́ть бо́льше бы́ло некогда́.

— К перепревращению в бабочек пригото-
вились! — скомандовал я лихорадочным шёпотом.

— Приготовились! — отозвался Малинин.

— На-чали! — сказал я.

— Как — на-чали? — сказал Костя Малинин. —
А чего говорить? Какие слова?

Действительно, я совсем и забыл, что моё старое
воробьиное заклинание совсем не годится для нового
превращения в бабочек.

— Сейчас! — сказал я. — Сейчас! Сейчас передё-
лаю...

— Скорей передёлывай! — заорал Костя.

— Готово! — сказал я. — Повторяй за мной!.. «Не
хочу быть воробьём! Хочу быть бабочкой!.. То есть мо-
тыльком!..»

Я уверен, без забот

Мотылёк живёт!

Вот я! Вот я!

Превращаюсь в мотылька!

— Нескладно получается! — сказал Костя, глядя
в ужасе на приближающихся кошек.

— Вот очутишься в животё у кошки, — сказал я, —
тогда складно получится! Повторяй скорее!

И Костя Малинин, закрыв от страха глаза, стал
сыпать скороговоркой слова моего нескладного вол-
шебного заклинания, обгоняя меня на каждом слове:

Я уверен, без забот

Мотылёк живёт!..

«Только бы успеть! — подумал я. — Только бы
успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..»
Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измү-
ченной воробьиной голове, разрывавшейся от забот,
тревог, ужаса и волнений...

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Вредитель, известный населению

Пока мы с Костей Малининым шептались наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли даром времени. Осторожно ступая на лапы, они подкрадывались к нам всё ближе.

«Ладно, Муська,— мелькнуло у меня в голове,— если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я всё своё внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнёзд или драться за скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову всё время лез проклятый овёс и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось, а я как был проклятым воробьём, так им и остался. Тогда я расстроился ещё сильнее и решил больше не закрывать глаза — будь что будет! Сделав ещё несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чём-то между собой фыркать и мяукать.

«Совещаются, кому кого есть,— подумал я,— делят двух воробьёв на трёх кошек. Ну и пусть... Теперь уж

я наверняка не успею превратиться в бабочку...» На всякий случай я ещё несколько раз мысленно произнёс волшебное заклинание:

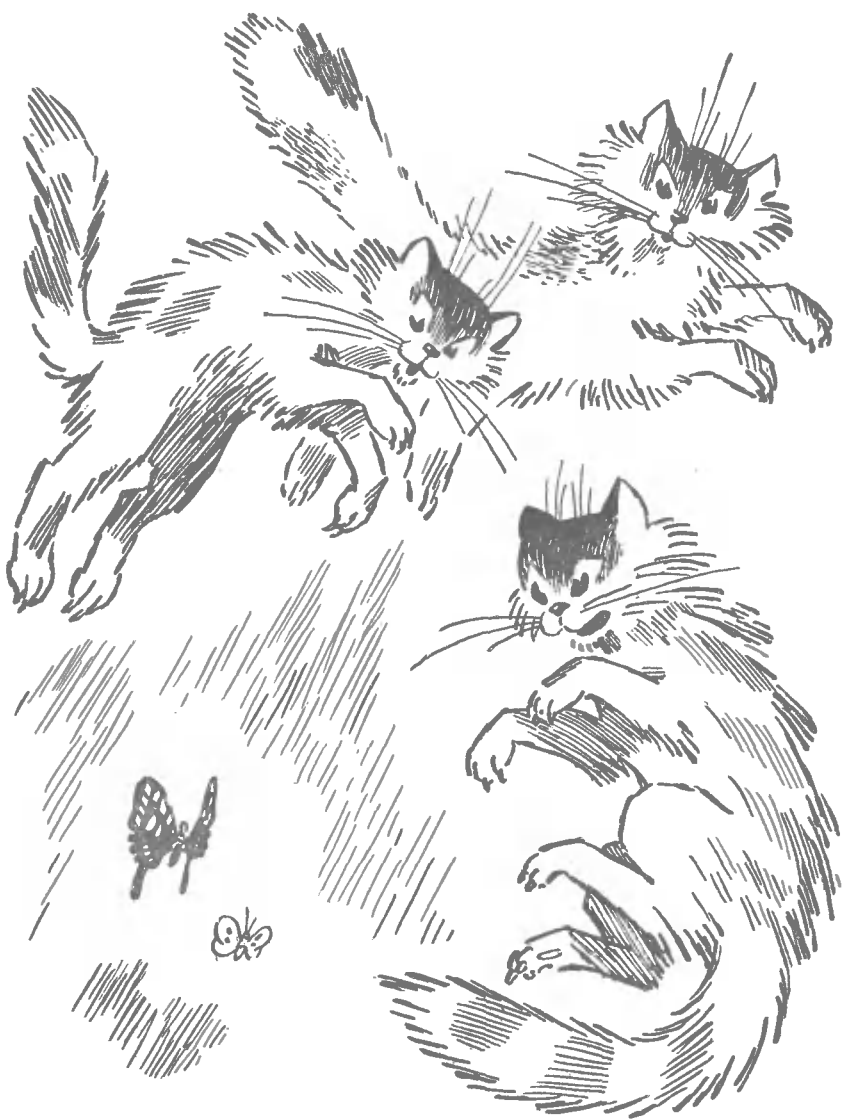
Я увѣрен, без забот
Мотылѣк живѣт!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

Тем временем кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подружкой направилась ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что она одна со мной всё равно не справится... И что я ей такого сделал,— подумал я, не сводя глаз с Муськи,— только один раз чернилами облил, и то нечаянно!..»

В трёх шагах от меня Муська и её помощница замерли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной дугой и заурчали. Царапая железную крышу когтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек,— подумал я.— Не успели! Значит, всё пропало!..» Мне стало холодно. По телу побежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин! Извини, что я втянул тебя в такую историю!»

Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и, вместо того чтобы прыгнуть вперёд, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив очумело головой, все вместе ещё раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся — никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины крылья, которые торчали за моей спиной, как два пруса.

На глазах у кошек из съедобного воробья я превратился
в несъедобную бабочку!

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел всё-таки! Вот здорово! Я в восторге пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал полуживой воробей Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями какого-то сказочного чёрно-зелёного цвета. Такой красивой бабочки я ещё никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, что Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка безусловно настоящая бабочка — сразу видно. А если это самая настоящая бабочка, то где же тогда мой лучший друг Малинин?.. Уж не свалился ли он от страха с крыши на мостовую? Я посмотрел вниз. А может быть, Костю в суматохе незамётно для меня всё-таки успела сцать кошка? Я посмотрел в чердачное окно. А может быть, он испугался кошек и перелетел на соседнее дерево? Я повернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь.

— Чего ты крутишься, как на уроке? — спросила меня вдруг сказочно красивая бабочка голосом самого обыкновенного Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим от волнения голосом:

— А ты кто такая?

— Не кто такая, а кто такой!

— А кто ты такой?

— Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаёшь меня, что ли?

— Малинин, это ты?

— А то кто же! Не узнал?

— Да, попробуй тебя узнай! Вот это превратился так превратился! А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.

— Как же! Держи карман шире! — сказал Малинин, разводя крыльями и поднимая вокруг себя ветер.

Я даже не мог отвести от Кости глаз, такой он был необычный.

— Костя, — сказал я, — а как же ты называешься?

— Как я называюсь? Очень просто!.. Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху чёрно-зелёные?

— Чёрно-зелёные.

— А с обратной стороны?

— Коричнево-чёрные.

— С золотыми точками?

— С точками... И ещё на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.

— Всё ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.

— А я?

— А ты превратился в этого... Ну-ка, повернись!

Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.

— Так... — сказал он. — Крылья у тебя маленькие, жёлтенькие, с чёрными пятнышками. Понятно. Ты превратился в этого... во вредителя.

— В какого вредителя?

— В огородного. Известного населению под названием капустник из семейства белянок...

— Вот тебе раз! — возмущился я. — А почему я превратился в капустника, а ты — в махаона?

— «Почему, почему!»! Откуда я знаю! Наверное, потому, что махаоны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.

— А это точно?

— Точно! У меня же коллекция была! Я все поро́ды бабочек знаю... Я — махаон, а ты — вредитель...

— «Вредитель»! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.

— Это почему же?

— Потому что... потому что... у тебя крылья расфуфыренные, как у девчонки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то есть среди мотыльков.

— Стыдно — и появляйся на своих!

— И появлюсь!

Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было удивительно приятно.

Летишь и всё время проваливаешься в какие-то воздушные ямы. Проваливаешься и летишь. И от этого в животе у тебя дух захватывает и такое ощущение, как будто ты на лету от радости умираешь. И поэтому тебе просто как девчонке хочется громко сказать или «ух!», или «ах!», или «ох!». Или просто завизжать от радости!

А впереди тебя ждёт сладкий нектар! Амброзия, можно сказать! И новые воздушные ямы! И это удивительное ощущение, от которого в животе дух-ух-ух захватывает!.. И сознание, что всё это, вместе взятое, будет продолжаться, сколько мы с Костей захотим.

И какая при этом разница, кто ты такой — безвредный махаон или вредный капустник? В конце концов, это люди знают, кто из бабочек кто, а сами бабочки в бабочках всё равно не разбираются.

А если это всё так, то — ух! ах! ох! — и молодец Малинин, что надоумил меня стать бабочкой.

В это время ко мне как раз подлетел мой лучший друг Костя — махаон — Малинин, и мы стали с ним качаться в воздухе на каких-то невидимых качелях.

— Ну как? — спросил меня Костя, слетая вниз.

— Порядок! — ответил я, взлетая вверх. — Только есть очень хочется.

— Ну, это дело поправимое, — сказал Малинин. — Ух, сейчас я тебя угощу нектаром. Нектар пить — это тебе не овёс клевать! Это, брат, знаешь какая вкусная штука!.. Ляпки оближешь! Летим скорее!

— Летим! — сказал я. — Во весь дух-ух-ух летим!

— Летим, — сказал Костя. — Во весь дух-ух-ух! Выдох — вдох-ох-ох! Крылом мах-ах-ах! Словно пух-ух-ух! Во весь дух-ух-ух!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ

«Спящая красавица»

Мы с Костей сделали ещё один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую жёлтенькую бабочку. Она сидела под железным желобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

— Настоящая! — сказал Костя Малинин. — Не то что мы с тобой! Привет бабочкам! — крикнул он, помахав в воздухе лапкой. — Это крушинница.

— Ну и пусть! — сказал я. — Давай скорее — летим за нектаром!

— Подожди! Надо с ней познакомиться!

— Вот не было печали! Эх ты, девчатник!

— Здравствуйте, бабочка! — сказал Костя Малинин, цепляясь за стенку рядом с крушинницей.

— Костя-махаон — девчатник! Костя-махаон —

девчáтник! — стал дразнить я Мали́нина, летáя над сáмой егó головóй.

— Привёт круш́инницам! — сказа́л Кóстя, подни́мая в знак привётствия вверх óбе ла́пки.

— Позóр девчáтникам! — сказа́л я.

Кóстя ещё раз поздоровался с ба́бочкой, но она́ продолжа́ла сидеть мо́лча и неподви́жно, не обраща́я на Мали́нина ника́кого внимáния.

— Ух и вообража́ет из себя! — сказа́л я. — Так те-бе и на́до.

— Да нет, она́ не вообража́ет, — сказа́л Кóстя, внимáтельно разгля́дывая круш́инницу. — Она́ спит! Ко-нечно́, спит!

— Спя́щая красáвица! Поня́тно. Просни́тесь, спя́щая красáвица! С ва́ми хóчет познако́миться сам Кó-стя-махао́н из семе́йства па́русников!

Я сел ря́дом со спя́щей ба́бочкой и потормоши́л её ла́пкой.

— Бесполе́зно! — сказа́л Кóстя. — Тепе́рь её из пу́шки не разбу́дишь. Она́ ведь на всю зи́му усну́ла.

— Почему́ э́то — на всю зи́му?

— Потому́ что у них, у ба́бочек, та́кой зако́н при-ро́ды!

— Чего́ ты врёшь, Мали́нин, ка́кой ещё зако́н при-ро́ды?

— Да че́стное сло́во! Все ба́бочки о́сенью умира́ют или засыпа́ют до сáмой весны́. У них да́же расписа́ние есть, ко́гда кому́ засыпа́ть.

— Подожди́, а как же мы с тобо́й? — встрево́жился я.

— Что — мы?

— Мы с тобо́й то́же ба́бочки, зна́чит, мы то́же за-снём по расписа́нию?

— Вообще́-то раз мы ба́бочки, зна́чит, то́же, на-ве́рное, долж́ны усну́ть... ко́гда-нибудь.

Меня это «открытие» просто ошеломило.

— Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек? — заорал я на Костю. — Если мы каждую минуту можем заснуть, да ещё на всю зиму! Мы же на один день только превратились, а уснём вдруг — и каникулы зимние проспим, и на коньках не покатаемся, и в хоккей не поиграем. Эх, Малинин, Малинин!

— Чего ты орёшь? — сказал Костя. — Тебе же пока спать не хочется?

— Нет ещё.

— Ну и летим за нектаром, а там будет видно.

— Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек нахватая из-за тебя.

— Подумаешь, — сказал Костя, — дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснёшь. Я отвечаю!

— Не усну?

— Конечно, не уснёшь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

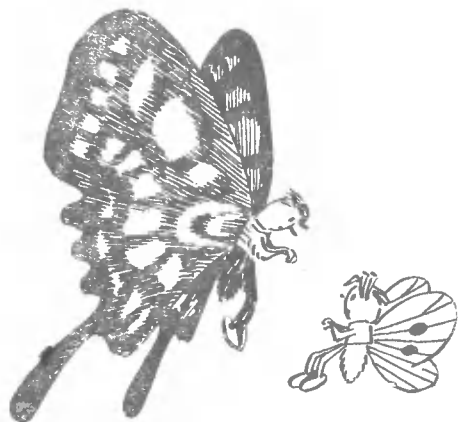
— А какие же мы?

— Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! — заорал на меня Малинин.

— Ну и что? — заорал я на Костю.

— А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

— Может быть, не

распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотёл ещё немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это время над нами, шумя крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно. При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съёжился и полёз прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Лицо воробья показалось мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся ко мне боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый кучный воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

— Здорово, чепчик! — крикнул я своему старому знакомому. — Ты на меня не сердишься?

— Баранкин, прячься сейчас же! — услышал я за спиной Костин голос. — Он тебя склюёт!

— Кто это меня склюёт? Баранкин перед воробьями никогда... — Не успел я окончить фразу, как выскочивший из-под крыши Малинин схватил меня за лапу и утащил под железный желоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моём месте. Обнаружив моё исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно её осмотрел, клюнул, моментально проглотил и полетел как ни в чём не бывало дальше. Я посмотрел из-под крыши вслед улетавшему воробью, потом уставился на Малинина.

— Я тебя забыл предупредить, Баранкин, — сказал Костя виноватым голосом, — что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте всё,

что я думал в эту минуту и о нём, и о жизни бабочек, но я молча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьём. А я Баранкин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более, что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Кепка-зенитка

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы с Костей осторожно вылетели из-под крыши и направились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами. Я, конечно, по-прежнему проваливался на лету в воздушные ямы, но уже того ощущения, что я умираю от радости, у меня почему-то не было. И «ухать» мне что-то вдруг тоже расхотелось.

— Птицы только верху опасны, — сказал Малинин, — а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае, увидишь воробья — маскируйся.

«Маскируйся!» А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?..» Мне так не терпелось задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал. Цветов на клумбе было очень много — и красных, и белых, и синих, — и от всех шёл такой чудесный нектарный запах, как от маминого печенья на кухне.

У меня от одного запаха нектара слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорит мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

— Дави его! — раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчишек с лопатками; они размахивали кепками и бежали по направлению ко мне, громко топая ногами.

— Это непарный шелкопряд! Дави! Я его знаю! — крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отношения, то я не обратил на крики ребят никакого внимания. Я опять спокойно перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю.

— Ура! Сбили! — закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой.

Голос этого мальчишки мне показался подозрительно знакомым.

— Нет, не сбили! — сказал другой мальчишка. — Он спрятался среди цветов! Ищи!..

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я присмотрелся получше к истребителям непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников — Веньку Смирнова, того самого Веньку, что стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были ещё воробьями, и Гёнку Коромыслова, Венькиного прихлебателя.

«Ладно, Венька! — подумал я про себя. — Твое счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за всё!» Тем временем Венька и Гёнка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой берёзовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул на крыльях и взлетел.

— Вот он! — заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно.

Я уже взмыл высоко в воздух и совершенно неожиданно оказался рядом с Малининым.

— Я тебе кричу: «Улетай!» — завопил на меня перепуганный Костя, — а ты в цветок лезешь!

— Так ведь они кричали: «Дави шелкопряда!» — а ты сказал, что я капустник!

— Больно эти оболтусы в бабочках разбираются! — сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапкой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как её расписывал Костя Малинин. Есть хотелось всё больше и больше, а Венька с Гёнкой так и не отходили от клумбы. Они

подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь на клумбу. Как же, нашли дурака! Я думал, что им всё-таки надоест ждать и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедемся нектара, но эти лоботрясы стали опять свистеть, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

— От вредителей слышу! — крикнул я, разозлившись. — Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждёт, а вы здесь с бабочками прохлаждаетесь!

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полёз на столб и сорвался.

— Здесь не позавтракаешь! — сказал Костя так, словно он знал, о чём я в эту минуту думаю.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Прощайте, ребята! Может, больше не увидимся...

— Знаешь что, — сказал я Косте, — давай лучше слетаем на какой-нибудь огорód. Там сейчас хорошо, всё поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

— Эх ты, капустник ты несчастный, — сказал Костя. — Да с тобой сейчас нельзя лететь ни на какой огорód.

— Это почему это?

— Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

— Чем травят?

— Чем? Разными химическими ядами...

После таких слов у меня просто крылья опустились и перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Что же это получается? — возмутился я. — На улице, того и гляди, крылья оборвут, в огороде травят,

в небе воробьи клюют... Для чего же мы превращались в бабочек? Чтобы с голоду подохнуть?

— Ладно, Баранкин, — сказал Костя, — не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

— Куда полетели?

— В школьный сад!

— Там же ребята деревья сажают!

— Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике найдёмся, и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

— В школу так в школу! — сказал я. — И ребята знакомые! Может, не тронут...

Мне, правда, и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами. Я даже не знаю почему. И, хотя в эту минуту мне вообще-то больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо нашей школы, мимо родного класса, с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний!.. Кто сказал «замечательных»? Кто сказал «мимо родного класса»? Неужели это сказал я, Баранкин? Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходить с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и встряхнулся, как собака после купания.

И правильно сделал, потому что после встряхивания мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по-моему, даже мокрые-премокрые.

— Там и позавтракаем, — сказал грустно Костя Малинин.

— И пообедаем, и поужинаем, — сказал я бодрым

голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет мало.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что прилечу в сад первым. Каково же было моё удивление, когда я сразу же отстал от Малинина на три дома. Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятёрка. Только моя мать почему-то никогда не считала эту пятёрку настоящей. Я решил поднажать и замахаю своими жёлтыми треугольниками как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон на этот раз летел как по линейке, рассекая крыльями воздух и поднимая вокруг себя какой-то художественный свист, а я всё время, как и раньше, проваливался в те же воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувыркался и беззвучно падал то на одно крыло, то на другое.

Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду, вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которых я не забуду никогда в жизни: «Эй ты, капустник! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты всё время отстаёшь?» Сказав это, он назвал мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что летишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» Этих слов я Малинину тоже никогда не забуду.

Когда он, загребая своими крыльями, как веслами, ещё раз пролетел, торжествуя, надо мной, я взял и

схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпать меня всякими ядовитыми словечками, и, как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось.

— Что-то тяжело лететь стало! — сказал Костя. — Выход — вдох-ох-ох-ох!

— А по-моему, лететь стало гораздо легче! — сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своём хвосте, когда был воробьём, теперь могу и отдохнуть немного».

Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, наслаждаясь художественным свистом Костиных крыльев и для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире, Костя доставил меня до самой школы, до того места, где в саду наш класс сажал деревья.

— Тормози! — крикнул я Косте, когда он, пытаясь, перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо ограды к кирпичному зданию нашей школы.

Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы подползли к самому краю и посмотрели вниз.

В саду кипела работа. Одни ребята, весело переговариваясь, копали ямки, другие бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землёй и стрёбил

всякие рожки. И все смеялись. Все были довольны! И всем было хорошо!

— Ну и пусть работают! — сказал Костя. — Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

— Кому это — нам? — спросил я.

— Нам, бабочкам... — сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «спящую красавицу», которую склевал бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своём голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьёв, шныряющих в школьном саду, и сказал:

— Да уж, конечно. Они бы нам позавидовали... — Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фёкиной и, соскочив на землю, стали о чём-то рассказывать ей и окружившим её ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

— Что-нибудь случилось, — сказал Костя.

Я промолчал. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипед и укатили. Зинка Фёкина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе ещё троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание. Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

— Ищут кого-то... — сказал Малинин.

— Не кого-то, а нас с тобой! — сказал я Косте.

— Ну и пусть! — сказал Костя. — Они будут искать, а мы будем есть нектар. Полетели!

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось всё сильней и сильней, и нектар был близок... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чирикание совершенно отбивало у меня всякий аппетит.

«Как бы они нас всё-таки не склевали с Костей...» — подумал я, глядя на воробьёв, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

— Летим! — сказал я громко и решительно и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята! Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!..»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Противочихательная прививка

В воздухе от цветов опять запахло вкусным нектаром, словно на кухне от маминого печенья. У меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (неудивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних лап. Пришлось выбираться из травы и начинать всё сначала.

На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчётам, должен был находиться нектар. Однако долгожданного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого нектара не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в маминем пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и

забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это время из цветка кто-то полёз мне навстрёчу.

Я решил, что это какая-нибудь посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают. Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она упёрлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыльцы чуть не задохнулся.

— Ладно, бабочка,— сказал я, разгоняя крыльями пыльцу,— только появишься на свет, я тебе все лапы... А-а-п-чхи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чхи!..

Пока я чихал, смотрю — из цветка вылезает... только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими бёркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка и чихаю на неё и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, а потом опомнился и даже в ужас пришёл. «Баранкин,— сказал я сам себе,— на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе... ап-чхи!.. как сделает противочихательную прививку, то-

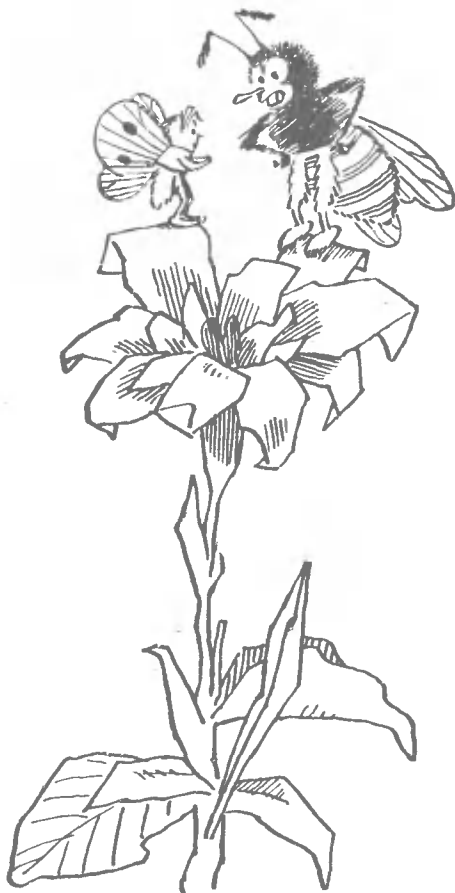
гда ты будешь знать... как чихать на пчёл!.. Тебя ведь, когда ты был человеком, кусали один раз пчёлы, так что ты... ап-чхй!.. знаешь, чем это пахнет!..»

«Знаю!» — ответил я сам себе и как сидёл на краю цветка, так и повалился навзничь в траву.

Перевернувшись несколько раз через голову и смотря поскорее свой пустой хоботок, я выравнивал над самой травой полёт и стал улепёвывать от пчелы в кусты, подальше от цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пёстрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы: оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас всё ещё металась за ним и что-то грозно гудела на своём пчелином языке.

«Так ему и надо! — подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей. — Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина

ещё штук сто пчёл, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил никого в заблуждение. «Будем порхать с цветка на цветок!.. Во весь дух! Крылом мах! Словно пух-ух-ух! Нектара наедемся!..» Вот и пусть сейчас его пчела угостит таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку... Ап-чхи!»

— Спасите! — кричал в это время Малинин. — Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась

за Костей и как следует его проучила, но, когда он кричал, да ещё таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка. Его пчела ужалит, а он возьмёт и заболеет или, того хуже, умрёт от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать!.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчёл, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы лёгонький сучок, я подлетел к пчеле сзади и изо всех сил ударил её по голове. Оглушённая ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

...Но в действии вступает ужасный закон природы

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежy на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмáхивает меня своими расписными крыльями.

Вообще-то я не знаю, для чего это я открыл глаза. Мне открывать их совсем не хотелось. И ухать мне больше тоже не хотелось. И охать не хотелось. И ахать не хотелось. И желание визжать от радости тоже пропало. А с чего тут визжать-то? В носу всё время эта проклятая пыльца свербит... Ап-чхи!.. И в животе совершенно куда-то исчезло это ощущение, что ты умираешь от радости... Ап-чхи!.. То есть ощущение, что ты умираешь от чего-то, осталось, только вот от чего?.. Наверное, от голода... Всё куда-то исчезло! Только одно замирание духа осталось. Дух у меня всё время продолжал замирать. И замирал он почему-то всё больше и больше. Вот сейчас замрёт совсем... и всё... Ап-чхи!.. Даже чихать и то сил нет...

— Ты чего лежишь, Баранкин? — спросил меня Кóстя.

— Захотелось полежать, вот и лежy, — сказал я. — Ап-чхи!..

Да что такое, никак не могу прочихаться.

— Простыл, что ли? — спросил Малинин.

— Не простыл, — сказал я, — а наухахóхался...

Малинин как-то печально-печально покачал головой, сделал выдох — вдох-ох-ох и сказал:

— А знаешь, где ещё можно поесть нектар?

— Иди ты со своим нектаром знаешь куда... Ап-чхи!.. — Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался.

Он сидел на берегу лужи весь перемáзанный цве-

точной пыльцой, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из неё обыкновенную дождевую воду. Малинин попробовал ещё раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал презрительным молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я всё-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я её во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там её искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьёв было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле она оказалась просто невыносимой. Но почему? Я молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет...

В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать: «...Если такой жизни нет на земле, то, может быть, она есть ТАМ, под землёй, и если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться, взять и скрыться от них, предположим, в том же муравейнике...»

Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями? Они же, можно сказать,

знаменитые работяги. Ско́лько я ни наблю́дал за ними́, никогда́ не ви́дел, что́бы муравьи́ прѳосто сидѳели бы на мѳсте и ничегѳ не дѳлали. Всѳ вре́мя они́ и́ли куда́-то бегу́т, и́ли отку́да-то возвра́щаются и всегдѳ с собо́й та́щат и́ли како́й-нибу́дь ли́стик, и́ли комо́чек земли́, и́ли хво́йную игѳлку... И на муравѳйник как ни посмо́тришь, всѳ вре́мя они́ егѳ ремо́нтиру́ют, с утра́ до ве́чера...

Вот так преврати́шься в муравѳѳв, а они́ возьму́т и заста́вят вме́сте с ними́ пы́хте́ть на строите́льстве... Нет уж, е́сли и рискну́ть ещѳ раз, то преврати́ться во что́-нибу́дь друго́е, то́лько не в муравья́!.. А в когѳ? В когѳ же все́-таки ну́жно преврати́ться так, что́бы о́пять не вло́паться в э́ти ужа́сные перепѳлки и передра́ги, из кото́рых мы с Ко́стей е́ле но́ги унесли́? В когѳ же на́до преврати́ться? В когѳ?..

И тут я вдруг неожида́нно вспѳмнил, как в тот злополу́чный день на ѳбщем собра́нии Али́к Но́виков поче́му-то обозва́л нас тру́тнями! Тру́-тня-ми! Мину́точку! Мину́точку! А что тако́е тру́тни? А тру́тни — э́то, ме́жду прѳчим, и е́сть такие существѳ, кото́рые веду́т такую́ жизнь, о кото́рой мы мечта́ли с Ко́стей на ла́вочке! И не «ка́жется», а абсолю́тно то́чно! Соверше́нно да́же определѳнно! Поѳтому они́ и называ́ются тру́тня-ми! А е́сли все́ э́то так, тогда́ поче́му же мы превра́щались в воро́бѳѳв и в ба́бочек? Вот дураки́! Какие же мы с Ко́стей были́ беспросве́тные дураки́!

— Ма́линин! — закрича́л я (когда́ я по́нял на́шу о́шибку, я, коне́чно, сра́зу же перестѳл серди́ться на Ко́стю и реши́л то́гчас же поде́литься с ним своѳм откры́тием). — Ма́линин! — закрича́л я. — Ох и дураки́ мы с тобо́й, Ма́линин!

— Конече́но, дураки́! — согласи́лся со мной охѳтно Ма́линин. — Осѳбенно ты, Ба́ранкин!..

— Да я́-то, я прѳосто кру́глый идиѳт, Ма́линин!

И как это мне сразу в голову не пришло!.. Сколько зря времени потеряли!

— Вот именно! — отозвался Костя.

— И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьёв и бабочек?

— Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! — сказал Малинин. — Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьёв?

— Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

— Как — в трутней? Почему — в трутней? — закричал Костя Малинин испуганным голосом.

— Потому — в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется. А мы с тобой на лавочке как раз об этом и мечтали!

— Знаешь, Баранкин! — сказал Малинин каким-то противным голосом. — Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я всё время что-нибудь делал!

— Малинин! — закричал я. — Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы превратимся в трутней и от всего этого и отдохнём!

— Как превратимся! — завопил Костя Малинин. — Опять превра-

тимся?.. Ну знаёшь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!

— Костенька! Так ведь те же два раза не в счёт! Раз не в того, в кого надо превращались, значит, не считается ведь!

— Почему это — не считается?

— Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться... А превратиться-то нам надо было в трутней!..

— Да в каких трутней?.. — спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

— Ну что ты? — сказал я. — Что ты, не знаёшь, что ли, какие бывают из себя трутни?

— Не знаю я, какие бывают трутни, — ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

— Ну что ты, Костя, — сказал я растерянно, — ты должен знать, какие бывают они...

— Почему это я должен?.. А ты сам-то, Баранкин, знаёшь?..

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие бывают они, но спохватился и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнёс совсем другое.

— Ну что ты, Малинин, — сказал я, — помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней и рисунки показывала...

— Не помню, — сказал Малинин, — и ты не можешь помнить...

— Это почему?

— Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык...

Это правда, на том уроке мы с Костей действи-

тельно оба не слѣшали Нйну Николáевну: в это время мы изобретáли нóвый язык. Задáча былá трóдная: нѣжно бѣло изобрести такой язык, которóй на всём земнóм шарѣ понимáли бы тóлько два человека — я и Кóстя Малíнин. Поэтому нам, конечно, бѣло не до Нйны Николáевны и не до трóтней...

— Подожди, Малíнин,— сказáл я,— но ты же иногда посмáтривал на дóску?

— Ну и что?

— Так, мóжет, ты хоть случáйно запóмнил, как выгáдят эти трóтни?..

— Ничего я не запóмнил,— сказáл Малíнин, снóва потягиваясь и зевáя.

— А ты, мóжет, мне это нарóчно говоришь, чтоб не превращáться в трóтней?

— Да чéстное слóво!!!

Это был ужáсный удар. Ни я, ни Малíнин не имéли ни малéйшего представлénия о том, как выгáдят трóтни, в которóх нам слéдовало превратíться.

Это что же получается? Значит, перепревращénие отменяется?! Значит, перепревращénие не состоится?! А как же ОНО мóжет состояться, Барáнкин, если ты не представляешь, как выгáдит ТО, во ЧТО ты дóлжен перевоплотíться! И зачём тóлько я на том уроке занимáлся посторóнным дéлом! Эх, Барáнкин, Барáнкин! Нйну Николáевну нáдо бѣло слѣшать, а не нóвый язык изобретáть!

— Тру... тру... тру...— вдруг ни с тогó ни с сего забормотáл Малíнин себе под нос.— Вспóмнил, вспóмнил... Пчёлки такíе малёнькие... с кры... с кры... с кры...

С этими слóвами Малíнин кáк-то стрáнно закачался и стал валíться нá бок.

— С кры... с кры... с кры... с крыльями! — подхватíл я.— Правíльно, Малíнин!..

Вспомнил! Теперь и я тоже вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе... Это были пчёлы, такие маленькие пчёлы нашего, мужского, как говорится, рода с небольшими прозрачными крылышками...

Всё!!! Вот теперь наконец-то мы отдохнём с Костей по-настоящему, как полагается! Отдохнём от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую растроченные силы — всё, всё вернулось ко мне!

— Вставай, Малинин! — закричал я на Костю. — Нечего тебе тут разлёживаться! Работать надо! — сказал я, подразумевая под словом «работать» то самое единственно необходимое, единственно правильное, единственно недурное превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить.

— Вставай же, Малинин! — завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания поскорей пополнив Костиной и моей персоной ряды трутней на земном шаре.

Однако мой радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин, всё ещё продолжая лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

— Что ты говоришь? — спросил я его.

— Хр-ры... — сказал Костя.

— Костя, да что с тобой? — закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапу. — Ты что?.. Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь всё-таки превращаться в трутней! Ну и чёрт с тобой! Я и один могу!

— Хр-ры! — отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит!

Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про

трётней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а ещё говорил, что этот «забон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «спящая красавица», которую склевал воробей... Хорошо, что поблизости нет воробьёв... Нет! Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорее будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дергал его за крылья, но всё было напрасно — Костя Малинин не просыпался. Мне стало не по себе.

— Костя! — заорал я. — Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся!

— Хр-р-ры... — сказал Костя Малинин.

«Если он заснул как человек, то я его, конечно, разбужу, — подумал я, — а если он заснул как бабочка, до самой весны, да ещё по расписанию, то я... то я... его всё равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо?.. Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду и тут услышал приближающиеся из-за кустов голоса ребят из нашего класса...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть

— Несправедливо! — сказал Костя Семёнов, появляясь из-за куста. — Мы здесь все работаем, а Баранкин с Малининым где-нибудь в кино сидят...

Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

— Правильно говорит Семёнов! — сказала Вера Большова. — Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

— Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пénкин вообще не явились! — сказал Костя Семёнов.

«Вот ещё не вовремя припёрлись сюда, — подумал я, прячась за кустик травы. — Интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

— Да выгнать этого Баранкина из школы, и всё! — закричала Эрка не своим голосом. — Хватит с ним нянчиться!..

— Куда его выгнать? — сказала Фёкина. — На улицу, что ли?

— Почему на улицу? — ответила Кузякина. — Перевести в триста пятнадцатую школу...

— А почему в триста пятнадцатую? — спросил Семёнов.

— Потому что мы с этой школой соревнуемся... Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!..

— Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? — сказала Фёкина. — А что с Баранкиным делать?

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировку пить! — сказал Костя Семёнов.

— Надоело про этого Баранкина слушать, — добавил Вáля Черевáткин. — Пошли.

— Юннатов прошу остаться! — сказала Фёкина.

Ребята ушли, а девчонки расселись на полянке вокруг Зины Фёкиной, хихикая и о чём-то переговариваясь между собой.

— Тише, девочки! — сказала Зинка Фёкина, рас-

крывáя толстóу кнйгу.— Не отвлекáйтесь, пожалуйста! Тёмой нáшего сегóдняшнего зaнáтия явля́ются...

— Ба́бочки! Ба́бочки! — заверещáли девчóнки все вмéсте, размáхивая сачкáми.

— Пра́вильно! Ба́бочки! — подтверди́ла Зи́нка и ста́ла листáть кнйгу.

Ба́бочки? Это что знáчит? Это знáчит... Я и Кóстя — тéма сегóдняшнего зaнáтия... Ну, знáете! Я чуть бы́ло не захлебну́лся той сáмой водо́й, ко́торой собра́лся опры́скать Кóстю Мали́нина. Вот тебе́ раз!.. Тепе́рь мне понятнó, зачём э́ти юннати́чки-лунати́чки с собо́й сачки́ притащ́или: чтóбы лови́ть нас, ба́бочек. Пожа́луй, в таких усло́виях буди́ть Кóстю да́же опа́сно... Я вы́пустил из хоботкá во́ду. Проснётся ещё, крýльями как замаха́ет спросонок, а девчóнки его́ тут цап-цара́п... Что же с ним де́лать? Вот зада́ча! Спрятать его́, что ли?.. Вон клочо́к газéты. Взять и прикрýть его́ бума́гой, чтоб никто́ не ви́дел... Я вцепи́лся в клочо́к газéты и стал тащи́ть его́ в сто́рону Кóсти Мали́нина.

Зи́нка Фо́кина попра́вила очки́, отка́шлялась и ста́ла чита́ть ужáсно прот́ивным го́лосом:

— «Ба́бочки — одно́ из интере́снейших явлéний в ми́ре насеко́мых...»

Я остано́вился на мину́ту, чтóбы передохну́ть, и с но́выми си́лами поволо́к обры́вок газéты че́рез доро́жку (сáмое опа́сное ме́сто! Как бы не замети́ли!). Пере-тащи́в бума́гу че́рез доро́жку, я залéз в траву́ и огляну́лся. Всё бы́ло как бу́дто бы в поряд́ке. Кóстя Мали́нин продо́лжа́л как ни в чём не бывáло храпéть во сне. Девчóнки сидéли сми́рно. Фо́кина продо́лжа́ла бубни́ть:

— «...Большо́е значéние ба́бочки имéют и для хо́зйственной де́ятельности челове́ка...»

— Ой, Зи́ночка! Ба́бочка! Ба́бочка! — закрича́ла вдруг одна́ из юнна́ток нечелове́ческим го́лосом.

Я повернулся на голос и замер.

— Где? Где бабочка? Какая бабочка? — загалдели сразу все девчонки.

— Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фёкина закрыла книгу, впиалась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Всё пропало! — мелькнуло у меня в голове. — Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял как дурак возле клочка газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девчонок. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял как дурак и смотрел на них (а что я ещё мог делать?).

— Так, — сказала Фёкина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону, — капустница из семейства белянок. Не обращайтесь внимания, девочки! Такая бабочка у нас в коллекции есть!.. — Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в коллекции есть такая бабочка, как я!.. Как же!.. Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девчонкам, которые после слов Фёкиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счёта загородить Костю клочком газеты от глаз девчонок.

На счёт «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счёт «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взявшийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понёс над травой.

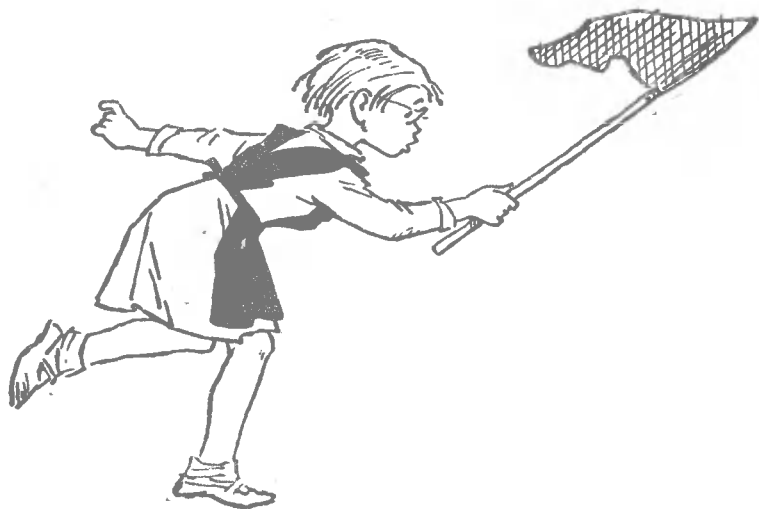
— Ой, Зиночка! — снова заверещала одна из юннатов, как будто её змея ужалила. — Вы только по-

смотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в кол-
лѣкции нет!

— Дѣвочки! Вы перестанете отвлекаться? — ска-
зала Фѳкина недовольным голосом. Она отвела свой
взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными
глазами. — Что такое?.. — зашептала она испуганно. —
Не может быть! Ой, дѣвочки! Я, наверное, сплю!
Ущипните меня!.. Ой, дѣвочки! Да ведь это же ма-ха-
он! Самый настоящий Мааков махаон из Уссурийско-
го края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем
городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Цѣлое
открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фѳкина успела тихонечко взять
у одной из девчонок сачок, подняться, сделать шаг
вперед и застыть на одной ногѣ.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на
свѣте: кружок юннатов во главѣ с Зинкой Фѳкиной
обнаружил спящего махаона, то есть не махаона,
а спящего Кѳстю Малинина, и сейчас моему лучшему

дру́гу грози́ла, быть мо́жет, са́мая сме́ртельная о́пас-
ность из всех о́пасностей, ка́ким мы подве́ргались
с ним всё э́-т-о в-р-е-м-я...

— Дёвочки! — скомандовала шёпотом Фёкина
остолбеневшим юннátкам. — Окружа́йте, то́лько тíхо...
Чур, лови́ть бу́ду я сама́!..

Мо́лча, с сачка́ми наизгото́вку, де́вчóнки ста́ли
о́кружа́ть спя́щего Ма́линина, то́го са́мого Ко́стю Ма-
ли́нина, ко́торого о́ни, по своему́ неве́дению, счита́ли
Маа́ковым маха́ном, чу́дом залетев́шим в наш го́род
из далёкого Уссу́рийского кра́я!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В морилку, потом в сушилку... и в распрямилку...

— Сейча́с мы его́ пойма́ем! — прошипела шёпотом
Фёкина, кача́ясь на одной но́ге и боя́сь спугну́ть Ко́-
стю. — Пойма́ем — и в морилку, по́том в суши́лку, по-
то́м в распрямилку...

— Хр-р-ы... — допёсся до меня́ го́лос сла́дко спя-
щего Ма́линина.

Ко́стя спал и да́же не предполага́л, ка́кую стра́ш-
ную гибель гото́вила ему́ ста́роста на́шего кла́сса Зи́н-
ка Фёкина. Нельзя́ бы́ло теря́ть ни одной́ мину́ты.

Тем бо́лее, что верну́вшиеся с у́лицы ребя́та тут же
присоедини́лись к Зи́нке Фёкиной и то́же вы́разили
са́мое горя́чее жела́ние пойма́ть Ко́стю Ма́линина, то
есть маха́на, и посади́ть его́ в морилку. (Вот лобо-
трясы несчастные! Что у́годно согласи́тся де́лать, лишь
бы не раба́таты!)

Появи́вшиеся на уча́стке Ве́нька Смирно́в и Ге́нка
Коромы́слов то́же реши́ли приня́ть уча́стие в э́том
ужа́сном де́ле. Ве́нька растолка́л де́вчонок, взгляну́л
на Ко́стю Ма́линина и заора́л:

— Да мы же этого типа с Гёнкой недáвно на улице ловили!..

Зинка Фóкина, вмéсто того что́бы сде́лать Смирно́ву и Коромы́слову вы́говор за опозда́ние на воскресе́ник, то́лько зашипéла на Вёньку, а девча́та, воспользо́вавшись сумато́хой, оттесни́ли всех ребят в кусты́ и ста́ли остро́жно сжимáть вокру́г Ма́линина Кóсти смерте́льный круг.

Что же де́лать? Что де́лать?

Я выпорхнул из травы́, налетéл на Зинку Фóкину и стал ви́ться вокру́г её пра́вого уха́ и умоля́ть её, что́бы она́ оста́вила в по́кое Кóстю Ма́линина.

— Зи́ночка! — крича́л я. — Остано́вься! Это же не ба́бочка! Это челове́к в ви́де ба́бочки! Не махао́н это! Это Ма́линин!

Но Зинка Фóкина отмахну́лась от меня́, как от надое́дливой му́хи.

— Дёвочки! Да что же вы де́лаете! — крича́л я изо всех сил.

Но они́ все сло́вно огло́хли и ослéпли: они́ меня́ не ви́дели и не слы́шали, сло́вно я и вообще́ не существова́л на све́те.

Стра́шное кольцо́ продолжа́ло сжимáться вокру́г Кóсти Ма́линина всё тесне́й и тесне́й.

Я замета́лся, потóм взлетéл вверх; остава́лось то́лько одно́: сбить спя́щего Ма́линина с ка́мня — взять его́ на тарáн! Быть мо́жет, он хоть от уда́ра просне́тся. Сложив кры́лья, я рину́лся вниз, скользну́л над травой́ и что есть си́лы уда́рил Кóстю голо́вой в бок. От си́льного уда́ра в голо́ве у меня́ всё помути́лось и перед гла́зами поплы́ла ра́дуга, а Кóстя сорва́лся с ка́мня, подпры́гнул, подлетéл, просну́лся в во́здухе и как очу́мелый закрути́л гла́зами.

— Кóстя! Де́лай свéчку! Свéчку де́лай! — заора́л я не своим го́лосом.

— Какую свечку? — сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх. И откуда у меня только сила взялась? В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Вниз, где-то там, под нами, раздался дикий визг.

— Это что, большая перемена? — спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

— Какая ещё перемена? — сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришёл в себя. В глазах у меня всё ещё продолжало сиять какое-то северное сияние. — Ты что, ещё не проснулся, что ли?

— Сейчас, сейчас! — сказал Малинин. — Сейчас я наемся нектара и сяду за геометрию... А этому Мишке надо крылья оборвать...

— Какому Мишке?

— Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался другой раз заниматься с нами в воскресенье...

Малинин хотел сказать что-то ещё, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

— Костя! Не засыпай! Пропадешь! — рывкнул я и стал валиться вслед за своим другом в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперёд ползали муравьи; они копошились у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались не в своё дело в такой, можно сказать, критический момент.

— Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? — сказал я Косте, разгоняя муравьёв.

— В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что,

Баранкин, свихну́лся, что ли? — сказа́л Ма́линин и по-
ва́лился на́ бок.

Веро́ятно, у спя́щего Ма́линина так всё перепу́та-
лось в голо́ве, что он уже́ ниче́го не сообража́л и вооб-
ще́ не́с ка́кую-то стра́шную глупо́сть. Тогда́ я его́ при-
подня́л за кры́лья:

— Превраща́йся в тру́тня! Слы́шишь, Ма́линин?

— Как э́то мо́жет челове́к преврати́ться в тру́тня?
Ты, Ба́ранкин, фантазе́й... из семе́йства челове́ев... то
есть че-ло-ве-ков... то есть я спать хочу́, — сказа́л Ма-
ли́нин и пова́лился на дру́гую сто́рону.

Бы́ло слы́шно, как по са́ду с кря́ками и ви́згом про-
должа́ли ры́скать девчо́нки. Если о́ни заме́тят в ку́стах
я́ркие кры́лья Ко́сти-махао́на, мы пропа́ли.

— Ты преврати́шься в тру́тня и́ли нет? После́дний
раз тебя́ спра́шиваю! — Я сно́ва по́днял упавше́го на́
бок Ма́линина, при э́том я успе́л лягну́ть за́дними ла́-
пами двух наха́льных муравьёв, кото́рые намерева́лись
заползти́ мне под са́мое пу́зо.

— Ла́дно, Ба́ранкин! — промы́чал Ко́стя. — Если
уж тебе́ так хо́чется... То́лько я сна́чала посплю́...

— Нет! Сна́чала ты преврати́шься в тру́тня, а по-
то́м бу́дешь спать! Слу́шай мою́ кома́нду! — Я схвати́л
Ко́стю за пе́редние ла́пы и стал изо всех сил трясти́ его́,
приговаривая: — Повто́рай за мной! Повто́рай за
мной!

Ни но́чью, ни днём
Не хочу́ быть мотылько́м!
Всех на све́те лу́чше
Быть, коне́чно, тру́тнем!

— Вот он где спря́тался! — взви́згнул нева́далеке́
го́лос Зи́нки Фо́киной. — Я так и зна́ла, что он дале́ко
не улетит! Де́вочки! Окружа́йте ку́ст!

«Все́! Нас обна́ружили! Мы пропа́ли! — подумал

я.— И Малинин опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу подделать!»

У меня при одной этой мысли опустылись крылья, и я даже не стал распахивать муравьёв, которые опять наполнили с разных сторон.

«Пусть ползают,— произнёс я мысленно,— теперь всё равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону — уж не сошёл ли он во сне с ума от всех этих переживаний — и вижу, как два муравья ползают возле его брюха и щекочут Костю своими усиками. Он его, значит, щекочут, а он, значит, смеётся, тихо, правда, но смеётся, спит и смеётся. Вот балда, как же это я забыл, что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. Я ещё в лагере его сколько раз будил при помощи щекотки. Вот спасибо муравьям, что надоумили. И, не теряя больше ни секунды, я всеми четырьмя лапами сразу стал щекотать Костю под мышками. Тихий смех Кости-махабна сразу же перешёл в хохот, и он проснулся. Сразу же проснулся! И глаза открыл, и совершенно спать перестал.

Трясётся весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлёбываясь от смеха:

— Ой, Баранкин! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

— Ха! Ха! Ха! — отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся от этого ужасного сна и окончательно пришёл в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая ещё продолжала грозить Косте Малинину. А главное,

хотя Кóстя и просну́лся, я всё равно́ продолжа́л его́ щекотáть. Кто его́ зна́ет! Перестáнешь щекотáть, он возьмёт и о́пять заснёт.

— Да ну вас! — сказа́л Кóстя Ма́линин мне и муравья́м, отта́лкивая меня́ и муравьёв от себя́. — Расщекотáлись здесь! Ха-ха! А что э́то там за шум? Ха-ха-ха!

И здесь я снова́ с у́жасом вспо́мнил о том, что грози́т моему́ лу́чшему дру́гу, и не то́лько вспо́мнил, но и по́нял, что, су́дя по голосо́ам, Зи́нка с девчо́нками уже́ на́чали окружа́ть наш куст.

— Ма́линин! — заора́л я. — Сию́ же мину́ту сосре-дотóчивайся и начина́й превраща́ться в тру́тня!

— Почему́ — в тру́тня? В како́го тру́тня? — спроси́л Кóстя, сла́дко потя́гиваясь.

— Потому́ что там Зи́нка Фо́кина с юнна́тками. О́ни тебя́ как маха́она хотя́т запрята́ть в моры́лку! По́том в суши́лку! По́том в распрямы́лку!

— Как — в моры́лку? За́чем в моры́лку?

— Для ко́ллéкции! — заора́л я.

При сло́ве «ко́ллéкция» с Ма́линина сон пря́мо как руко́й сня́ло, и он, очеви́дно, сра́зу всё, всё, всё вспо́мнил, по́нял всё, всё, всё, по́нял и осозна́л весь у́жас по́ложения, в кото́рое мы с ним по́пали. Ещё́ бы! Что тако́е ко́ллéкция, Кóстя зна́л хоро́шо, ведь он сам был когда́-то юнна́том и у него́ у само́го когда́-то была́ тако́я ко́ллéкция, в кото́рую так хоте́ла сейча́с упрята́ть его́ Зи́нка Фо́кина.

— Что же ты меня́ сра́зу не разбуды́л?

— Я ещё́ тебя́ не разбуды́л?! Скажи́ спаси́бо мураша́м. Э́то о́ни меня́ надо́умили... В о́бщем, скорéй повто́рай за мной!

Я ста́л ора́ть Ма́линину заклина́ние в са́мое у́хо, а сам ви́жу, что он меня́ совсе́м не слы́шит, он, очеви́дно, при сло́ве «ко́ллéкция» от у́жаса обалде́л и воо́бще́ перестáл понима́ть, что я от него́ хочу́.

Я ору́ изо всех сил:

Всех на свете лу́чше
Быть, коне́чно, тру́тнем!

А Ма́линин всё молчи́т, пото́м вдруг как заорёт:

Ой, ма́мочка!
Я не хочу́ быть ба́бочкой!
Хорошо́ быть мурашо́м!
Ба́бочке нехорошо́!

Я снача́ла да́же не по́нял, что на э́тот раз мы с Ма́лининым начина́ем превраща́ться в соверше́нно раз-
ли́чных насеко́мых и на́ши пути́, как говори́тся, расхо́-
дятся в ра́зные сто́роны. Я хочу́ стать тру́тнем, а Ма́ли-
нин хо́чет связа́ть свою́ жизнь с муравья́ми! За́чем он
э́то де́лает? Неужели он не сообража́ет, что́ там его́
ждёт? Да нет, он сейча́с, по-мо́ему, воо́бще́ ниче́го не
сообража́ет. Он сейча́с сообража́ет то́лько одно́, что
лу́чше уж быть живы́м трудя́щимся муравьё́м, чем
ме́ртвой ба́бочкой.

Как вы ду́маете, мог я оста́вить Ма́линина одно́го
в тако́м положéнии? Мог я сам стать долгожда́нным
тру́тнем, а Ма́линину позво́лить превра́титься в рабо́-
чего муравья́? Конече́но, не мог! Отвеча́ю я за Ма́лини-
на и́ли не отвеча́ю? Отвеча́ю, и ещё́ как отвеча́ю, голо-
во́й своёй отвеча́ю! Ведь э́то я его́ втяну́л в э́ту исто́-
рию, а не он меня́.

В э́ту мину́ту за куста́ми, в доверше́ние всего́, раз-
да́лся прямо́ како́й-то лошади́ный то́пот, треск лома́е-
мых су́чьев. За листьё́й со всех сторо́н замелька́ли раз-
ноце́вные сачки́, не́сколько девчо́нок взгромо́здились
с сачка́ми да́же на де́рево и тем са́мым отреза́ли нам с
Ко́стей послéдний путь к спасéнию.

Все́! Мне ниче́го бо́льше не остава́лось де́лать, как
набра́ть в ле́гкие побольше́ во́здуха́ и вложíть все сво́й

последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин.

Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой,—

затараторил я вслед за Костей Малининым.—

Я уверен, хорошо
Быть на свете мурашом!..

Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин, что мы с тобой делаем? И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьев?!

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забоя, тревог, ужаса и волнений...

Ч А С Т Ь Ч Е Т В Е Р Т А Я

КАРАУЛ! МИРМИКИ!

(Гйбель Малинина)

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ,
*неприятное для Зинки Фёкиной и спасительное для нас
с Костей*

— Зиночка! — прошипела какая-то девчонка за кустом. — А если полетит капустница, что с ней делать?

Говоря о капустнице, девчонки, конечно, имели в виду меня, Баранкина. Поэтому для меня этот вопрос прозвучал так: «Зиночка, а если полетит Юрка Баранкин, что с ним делать?»

— Тóже в морилку! — ответила Зинка Фёкина. — Махаон у нас будет экспонатом, а на капустнице я буду учить вас работать с распрямилкой.

«Дождáлся, Баранкин!» — подумал я про себя, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за куста. Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для упаковывания бабочек, доносились страшные вопросы и ещё более ужасные ответы.

— Зиночка, а если махаон (то есть Костя Малинин) попадёт в сачок, можно его за крылья брать?

— Ни в коем случае! Нужно, чтобы у бабочки были непотёртые крылья... Приготовьте морилки!.. Нина, у кого булавки для накалывания?..

— У меня.

— Приготовь булавки!

— Ой, я боюсь!

— Кáтя! Возьми булавки ты!.. Зоя,веди наблюдение!..

- Я и так веду́!..
- Все гото́вы?
- Вссе! — зашипéли девчо́нки, как змеи.
- Откры́ть моры́лки!

Моры́лки бы́ли откры́ты — в во́здухе запа́хло табако́м. Кто́-то гро́мко чихну́л. Кто́-то сказа́л: «Ой, я бою́сь!» Одна́ девчо́нка обожгла́сь о крапи́ву и зао́йка-ла. На неё все заши́кали. Разда́лся треск о́сторожно раздви́гаемых сучьев. Вопро́сы:

- Где онí?
- Вон онí!..
- Где? Не ви́жу! На ни́жней вéтке, что ли?
- Да нет! Вы́ше!
- Вы́ше?
- Ни́же!
- Ещё́ ни́же! Правее́! Тепе́рь левее́! Вон сухой́ лист, а ря́дом две ба́бочки!..
- Ой, де́вочки! Действительно!..
- Ти́ше вы там!

Шоро́х раздви́гаемых вéток усíлился, и раскрасне́вшееся лицó Фо́киной, исцара́панное и покры́тое паути́ной, показáлось в са́мых дрему́чих за́рослях сирéни; гла́з, как у безу́мной, забéгали по ли́стьям..

— Ну, что там, что там, что там?.. — зашипéли со всех сторо́н девчо́нки.

— Никого́!.. — сказа́ла Зи́нка Фо́кина расте́ранным го́лосом. — Никого́!..

Конечно́, если бы Зи́нка Фо́кина повнимáтельней пригляде́лась к тому́ ме́сту, на кото́ром она́ сама́, свои́ми гла́зами, не́сколько мину́т наза́д ви́дела двух ба́бочек, то она́ при желáнии могла́ бы замéтить двух ма́леньких чёрненьких муравьёв, вцепи́вшихсЯ все́ми шестью́ ла́пами в шероховáтую ко́ру сирéни, но Фо́киной бы́ло не до муравьёв. Она́ ещё́ пошáрила печа́льными гла́зами по вéткам и, глубоко́ вздохну́в, произнесла́:

— Никогó... — сказа́ла Зы́нка Фо́кина расте́ранным го́лосом. —
Никогó!..

— Как сквозь зѣмлю провалѣлись... Никого!

— Как это — никого?.. А мы кто такіе? — прошептáл один муравей другому.

Голубоглáзый муравей рассмеялся, пошевелил ўси́ками и стўкнул ла́пой по плечу муравья с тѣмными гла́зами.

Черногла́зый муравей посмотре́л на расстро́енное лицо Зѣнки Фѣкиной, то́же пошевелил ўси́ками, но ни́чего не сказа́л.

— Не мо́жет быть! — прошептáла Зѣнка Фѣкина. — Я же своїми гла́зами ви́дела... Не могли же они́ сквозь зѣмлю провалѣться!.. — Она́ ещё раз обшáрила весь куст мо́крыми от слѣз глази́щами и сказа́ла: — Чѣрт поберѣ! Вот чѣрт поберѣ!

— Ругáется! — обра́довался голубоглáзый муравей (это был, конечно, Кѣстя Ма́линин). — Ругáется! — сказа́л он, потира́я ла́пы. — Зин-зин-зѣнка Фѣкина чер-тыхну́лась два ра́за! Вот здо́рово!

Кѣстя подкрути́л свой ўси́ки, хлопну́л муравья́ с чѣрными гла́зами по спинѣ (это был, конечно, я, Бара́нкин!) и весь так и затря́сся от беззвўчного сме́ха.

Зѣнка Фѣкина сде́лала шаг наза́д. Вѣтки со свѣстом сомкну́лись, и мы с Кѣстей оста́лись одни́ на раскáчивающемся сучкѣ сирѣни.

— Урра́! — сказа́л Кѣстя Ма́линин. — Опáсность возду́шного нападе́ния миновáла! Отбѣй!

Кѣстя Ма́линин ра́довался, он ра́довался как чело́вѣк, то есть он ра́довался как муравей, избежа́вший смерте́льной опáсности, когда́ он был ещё моты́льком. Его́ весѣлый муравьи́ный го́лос напомина́л сигна́лы испорченно́го электри́ческого звонка́.

Хотя́ я то́же, как и Кѣстя, избежа́л смерте́льной опáсности и успе́л во́время превра́титься в муравья́, но я не бчень-то ра́довался: ведь е́сли мы успе́ли превра́титься в муравьѣв, то мы с та́ким же успе́хом могли́

превратиться и в трутней. А от муравьиной жизни я абсолютно не ждал ничего хорошего, поэтому я не стал разделять Костиных восторгов, а мрачно сказал:

— Эх, Малинин! Что ты надёдел, Малинин!

— А что я? — прозудёл весело Малинин. — Что я, по своему желанию уснул, что ли? Это же закон природы!

— Да я не про закон природы! Я говорю: «И зачем мы только из-за тебя превратились в муравьёв, а не в трутней?»

— Если бы тебе гро-зи-зи-ло попасть в коллекцию, стал бы ты очень выбирать, в кого тебе превратиться...

Я на это ничего не сказал Малинину, потому что в его словах, безусловно, была доля правды.

— И вообще, Баранкин, — продолжал Костя, — трутни — это ведь вроде муравьёв, только с крыльями, а нам с тобой крылья ни к чему, мы с тобой налетались уж на этих крыльях. Давай уж лучше уползём-зём-зём от всего света под землю, в муравейник. Уж там мы с тобой никого не встретим — ни юннатов, ни отличников, ни кошек, ни воробьёв...

— Очень ты спрячешься в муравейнике, — налетёл я на Малинина: его глупые рассуждения меня просто разозлили. — «Уползём-зём-зём»!.. Ты что, не знаешь, что ли, что муравьи — это самые, самые трудящиеся насекомые на всём свете? И что их каждый день заставляет работать... этот, как его, инстинкт?

— Почему не знаю! — стал оправдываться Малинин. — Очень даже знаю, что муравьи трудящиеся. Но ведь сегодня выходной день!

Такое заявление со стороны Кости Малинина для меня было совершенно неожиданным.

— Ну и что, что выходной? — удивился я.

— А в выходной они, наверное, не работают!

— Значит, по-твоему, в выходной день инстинкт на муравьёв не действует, что ли?

— Знаешь, Баранкин,— сказал Малинин убежденно.— Я вообще считаю, что никакого инстинкта нет.

— Как — нет? — снова спросил я.— Нам же его преподают в школе!

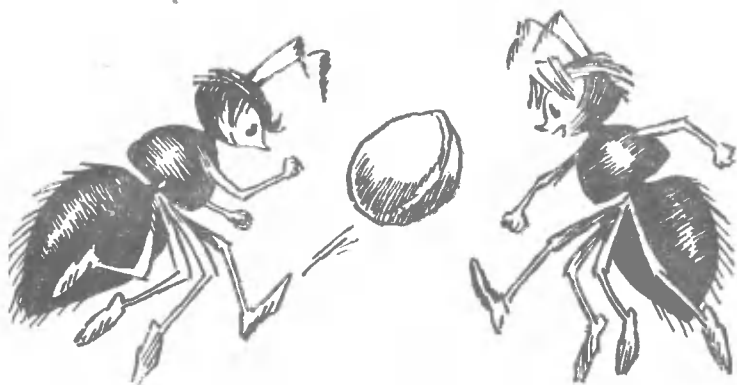
— Ну и что, что преподают?.. Просто этот инстинкт все учителя нарочно придумали, чтобы нам вопросы задавать на уроках! Соображаешь?

Когда Малинин мне всё это высказал, я сразу же стал соображать: а может быть, действительно Костя прав и никакого инстинкта у муравьев вообще нет, а выходной день, наоборот, есть... А если выходной день у муравьев есть, тогда нет ничего страшного в том, что мы превратились не в трутней, а в мурашён... Конечно, у муравьев есть выходной день!.. А может быть, всё-таки нет? Я попробовал представить себе жизнь без выходных дней и не смог. Ещё я вспомнил беседу, которую в школе проводил с нами доктор. Беседа была о том, что надо обязательно отдыхать каждый выходной день. Если людям надо отдыхать каждое воскресенье, то муравьям тем более: они ведь такие маленькие и слабенькие. Нет! Конечно, у муравьев должен быть выходной день, и он у них, конечно, есть! А если выходной есть, тогда, пожалуй, всё в порядке. И можно не вешать нос, то есть усы, и можно бежать в муравейник, и занять там какую-нибудь отдельную комнату, и начать ходить там на голове, и вообще делать всё, что только тебе вздумается. Здорово я развешился от этих мыслей.

— Малинин! — прозудел я, спрыгивая с ветки на землю.— Сейчас мы разыщем с тобой муравейник, займём отдельную комнату, закрёмся, закроем дверь на замок и...

— У них же нет, наверное, дверей и замков в комнатах,— усомнился Костя.

— Неважно! — сказал я, развеселившись ещё

больше.— Ва́жно, что ко́мнаты есть, а уж загоро́дить-
ся че́м-нибу́дь от все́го на све́те мы суме́ем! Мы с то-
бо́й ба́бочки уче́ные и воро́бьи стреля́ные, нас тепе́рь
на мя́кине не прове́дешь!

Я побежа́л по земле́ и на ра́достях уда́рил ла́пой
попа́вшееся мне на пу́ти крúглое се́мечко, напоми́нав-
шее по фо́рме футбо́льный мяч.

Ко́стя Ма́линин при́нял мою́ пере́дачу и отпасава́л
се́мечко о́братно. То́лько здесь, на земле́, я разгляде́л
хороше́нько Ко́стю-муравья́. Он весь блестя́ так, сло́в-
но его́ начи́стили сапо́жным кре́мом, и та́лия у него́
была́ о́чень смешна́я — то́нюсенькая-пре́тонюсенькая,
как у де́вчо́нки, и лап было́ срáзу ше́сть штук. «О́чень
э́то здо́рово, что у муравья́ ше́сть лап,— поду́мал я,—
в футбо́л удо́бно игра́ть. О́собенно би́ть по воро́там со
всех ше́сти лап. И в воро́тах сто́ять то́же удо́бно: на
двух ла́пах сто́ишь, четы́рьмя ло́вишь мяч...»

В доказа́тельство сво́ей мы́сли я подпры́гнул в во́з-
духе и ло́вко при́нял на гру́дь се́мечко-мяч все́ми
четы́рьмя ла́пами срáзу. В обни́мку с мячо́м я упáл на
зе́млю и покати́лся, гро́мко сме́ясь от удо́вольствия.

— Куча малá! — крикнул Кóстя Мали́нин и пова́лился на меня́.

Мы на́чали бы́ло кувырка́ться, но тут я за́метил, что из ле́са, то есть из травы́, навстрéчу нам вы́шло челове́к шесть муравьёв. Я, конечно́, о́чень обра́довался. Вскочи́л.

— Здоро́во, ребята́! — крикнул я муравья́м, поднимáя в знак привётствия все четы́ре ла́пы. Потóм я уда́рил по мячу́ ла́пой и сказа́л: — Мо́жет, по слúчаю вы́ходно́го в футбо́л сы́граем, ребята́?.. Вас ско́лько челове́к? Шесть? И нас дво́е! Как раз! Разде́лимся на две кома́нды по четы́ре! Чу́р, я — центр нападе́ния!

Настоя́щие муравьи́ как-то стра́нно посмотре́ли на меня́, похло́пали друг дру́га у́сиками, пошепта́лись ме́жду собо́й, да́ли за́дний ход и тíхо скры́лись в за́рослях травы́.

Мы с Кóстей побежа́ли их догоня́ть, но в сосéднем лесу́, то есть в траве́, уже́ никогó нё было́, зато́ совсе́м ря́дом внизу́, под пригóрком, мы обнару́жили доро́жку, по кото́рой шло́ са́мое оживлённое муравьи́ное движе́ние.

Муравьи́ сновáли взад и вперёд. О́дни из тех, что бы́ли помёньше ро́стом, несли́ на себе́ комо́чки земли́, па́лочки, ли́стики, хво́йные иго́лки. Други́е муравьи́, широкоплéчие, с большо́ими голо́вами и о́громными че́люстями, волокли́ гýсениц, мёртвых мух и жуко́в...

— Что э́то о́ни, Мали́нин? — спроси́л я Мали́нина, насто́рожившись. — Рабо́тают, что ли?

— Да что ты, Бара́нкин, — отве́тил Мали́нин, — э́то о́ни гуля́ют по своéй гла́вной у́лице.

— Как — гуля́ют? — спроси́л я недовере́чиво.

— Так, гуля́ют. Сего́дня же воскресе́нье!

— А заче́м же о́ни та́щат на себе́ вся́кие бре́вна и ка́мни, е́сли сего́дня воскресе́нье?..

Мали́нин промолча́л.

— А по-мо́ему, онѣ не гуля́ют, а рабо́тают...

— Ну что ты, Бара́нкин, — возмути́лся Мали́нин, — кака́я же рабо́та мо́жет быть в выходно́й день?

— А брёвна на плеча́х? — спроси́л я Мали́нина.

— А брёвна... — отве́тил Мали́нин. — А брёвна... э́то у них так при́нято — гуля́ть с брёвнами на плеча́х!

— При́нято? — переспроси́л я, пото́м протёр глаза́ ла́пами, уста́вился повнимате́льней на муравьёв, и се́рдце у меня́ заня́ло от како́го-то о́чень нехоро́шего предчу́вствия.

Э́то о́щущение возни́кло у меня́ и от того́, что я уви́дел, и ещё от фра́зы Мали́нина, кото́рую он произне́с, глядя на муравей́ник.

— Зна́ешь что, Бара́нкин, — сказа́л Ко́стя, — дава́й лу́чше не пойдём в муравей́ник, дава́й лу́чше гуля́ть одни́, где́-нибудь там... — И Ко́стя махну́л ла́пой в сто́рону, совершенно́ противополо́жную муравей́нику.

Соб́ственно говоря́, я э́то и сам хоте́л предло́жить Ко́сте, про́сто он немно́го опереди́л меня́ с э́тим предло́жением, по́тому я, не коле́блясь ни секун́ды, сказа́л:

— Дава́й, Мали́нин, дава́й! Включа́й, Мали́нин, за́дний ход. «Пока́ не по́здно», — хоте́л доба́вить я, но промолча́л.

Мы хоте́ли попятиться́ прочь от муравей́ника, но здесь с на́ми обоими́ случи́лась непоня́тная вещь: вме́сто того́ что́бы пятиться́ наза́д, мы ста́ли пятиться́ впе́рёд, прямо́ по направле́нию к муравей́нику. Я ясно́ чу́ствовал, что я де́лаю э́то вопреки́ своему́ жела́нию, чу́ствовал и понима́л, но ничего́ не мог с собо́й сде́лать, пото́му что кака́я-то неве́домая си́ла ме́дленно, шаг за ша́гом, ста́ла приближа́ть нас с Ко́стей к муравей́нику.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мы ремонтируем муравейник

Медленно, нехотя, вопреки своему желанию мы продолжали с Костей приближаться к спящим взад-вперёд муравьям, и с каждым шагом мне становилось всё ясней и ясней, что все муравьи, все до одного, заняты делом, несмотря на то что для всех людей этот день был выходным днём.

Муравьи работали, работали, трудились, и отрицать это было просто бессмысленно. Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще, так близко, что даже было слышно, как они громко пыhtят под своими ногами. Рядом с нами, например, целая бригада тащила домой огромную стрекозу. И, хотя муравьи из этой бригады суетились, как девочки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась всё же по направлению к муравейнику.

— Работают муравьи! — сказал я Косте.

Муравьи работали! Работали все, без исключения. Никто из них не отлынивал, никто не занимался посторонними делами, или разговорами, или играми, никто не лежал под кустом и не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не орал вроде нашей Зинки Фокиной. Вы бы послушали, какой она шум поднимает на каждом суббóтнике!

— Работают! — сказал я Косте Малинину.

— Ну и что, что работают! — огрызнулся Костя. — Тёмные, вот и работают. Необразованные личности! Наверное, даже не знают, что такое воскресенье. А мы с тобой образованные! Мы с тобой работать не будем!

— И инстинкт, значит, существует, — сказал я очень серьёзным голосом. — Раз они ему подчиняются, значит, ОН существует!

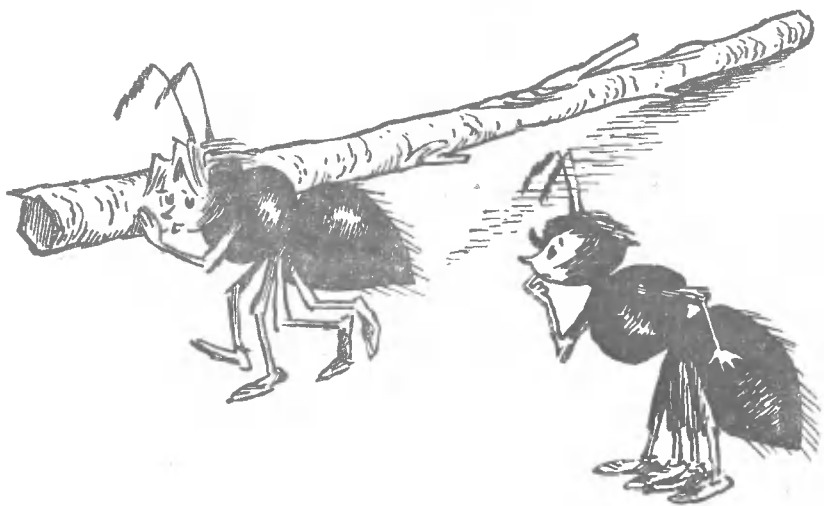
— Ну и пусть себе подчиняются! А мы не будем никому подчиняться! — сказа́л упрямым го́лосом Ко́стя Ма́линин.

Я вообще-то тоже, как и Ко́стя Ма́линин, был абсолютно уве́рен, что инсти́нкту и в са́мом де́ле мо́жно бы́ло не подчиня́ться, да́же е́сли он и существу́ет на са́мом де́ле... Ка́ково же бы́ло моё уди́вление, ко́гда мне вдруг ни с то́го ни с се́го соверше́нно неожиданно ужасно захотёлось присту́пить к рабо́те вме́сте с те́мными и необразо́ванными муравья́ми. Это же́ла́ние бы́ло си́льным и непреодоли́мым. Мне каза́лось, что е́сли я си́ю же мину́ту не взвалю́ себе́ на плечо́ ка́кой-нибудь груз и не начну́ труди́ться, как все муравьи́, то я просто умру́ на ме́сте.

Подобра́в с земли́ сухую́ ве́тку, я мо́лча взвали́л её на плечо́ и поволо́к к муравейнику́. И тут мне сразу́ ста́ло ле́гче, как бу́дто го́ра с плеч сва́лилась! Ста́ло да́же ка́к-то ве́село и приятно́. В э́то вре́мя то же са́мое случи́лось и с Ко́стей Ма́лининым, то есть сна́чала, ко́гда я взвали́л на плечо́ сучо́к, он посмотре́л на меня́, как на ненормально́го, а пото́м то́же вдруг с необыча́йной эне́ргией и же́ла́нием подхвати́л ве́тку с друго́го ко́нца и ста́л мо́лча помога́ть мне, па́дая и спотыка́ясь на ка́ждом шагу́.

Сучо́к был тяжё́лый, как настоя́щее бревно́, он то и де́ло цепля́лся за траву́, за ка́мни, ска́тывался с плеч, но мы продолжа́ли над ним пы́теть и тащи́ть его́ с большо́м удово́льствием, пока́ не дотащи́ли по подзе́мному хо́ду до са́мого муравейника́. Во́зле вхо́да в муравейник два муравья́ перехвати́ли у нас бревно́ и утащи́ли в темноту́, а мы с Ко́стей послу́шно поверну́лись в о́братную сто́рону и побежа́ли за но́вым строи́материалом.

Вот так! Та́ким, как говори́тся, о́бразом присоеди́нились мы с Ко́стей к «гуля́ющим» муравья́м и ста́ли

вместе с ними «гулять» со всяким мусором на плечах, то удаляясь от муравейника, то возвращаясь к нему обратно. Взад-вперёд! Взад-вперёд! С ветками, с хвойными иголками на плечах, с сухими листиками, с комочками земли бегали мы как заведённые и даже перестали разговаривать друг с другом, так занялись мы этой работой.

Честно говоря, работать под управлением инстинкта — дело малоинтересное и, я бы сказал, глупое. Голову твою всё время как бы сверлит одна фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай, Баранкин! Ворочай, Баранкин!..» А ЗАЧЕМ «тащи»? ДЛЯ ЧЕГО «тащи»? Ты ничего не соображаешь, а соображать тебе всё время что-то не даёт и мешает, и от этого ты себя чувствуешь просто каким-то дураком и даже идиотом... Один раз только на меня нашло просветление, это когда мне надоело таскать брёвна на плече, и я быстренько соорудил для нас с Костей носилки, но дурацкие ощущения в голове всё равно не

проходили, и фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тачи! Волочи! Перетаскивай!...» — продолжала тупо сверлить мой мозг.

Второй раз на меня нашло просветление, когда я хотел спросить у Малинина (раз уж он втравил меня в эту муравьиную историю), долго ли ещё будет нас гонять этот проклятый инстинкт, но затем я с большим трудом сам вспомнил, что я совсем недавно прочитал книгу «Пароль скрещённых антенн», где чёрным по белому было написано, что муравьёв инстинкт заставляет работать до самого-самого захода солнца...

Не знаю, может быть, мы с Костей в этот день привыкли бы к этому муравьиному конвейеру и действительно проработали до самого захода солнца, если бы не одно происшествие, которое случилось, когда мы в двадцатый или тридцатый раз возвращались с носилками к муравейнику. Именно в это время мимо нашего (нашего!) муравейника проходил Венька Смирнов. Ничего хорошего от этого произойти, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как Венька, насвистывая, ткнул два раза черенком лопаты в муравейник и, так же насвистывая, ушёл прочь.

Что здесь с нами случилось! С «нами»... Это я имею в виду не только нас с Костей, а всех муравьёв. Что здесь с нами со всеми случилось! Мы сразу все, как один, как по команде, к-а-к записывали, как занервничали, как заматались и к-а-к бросились все перевыполнять всякие нормы по ремонту нашего общего муравейника. Было такое впечатление, что инстинкт из-за этого Веньки взял нас всех и «переключил» с первой скорости на третью и поэтому мы все стали работать с десятикратной силой.

Когда я всё это ощутил, мне так и захотелось огреть Малинина носилками по спине, но при всём желании я этого не мог сделать, потому что носилки

с друго́й сторо́ны держа́л Ко́стя Ма́линин и ещё пото́му, что моё́ го́лову с удеса́терённой си́лой продо́лжала́ сверли́ть фра́за: «Дава́й, Ба́ранкин! Ско́ре́й дава́й! Тащи́ ско́ре́й! Воло́чи ско́ре́й! Воро́чай! Дава́й, Ба́ранкин! Дава́й ско́ре́й! Дава́й! Дава́й! Ско́рее! Ско́рее!..» И ещё пото́му, что, как бы я ни се́рдился на Ко́стю, я бы ни́когда́ не смо́г не то́лько уда́рить его́, но да́же трóнуть па́льцем.

Ведь он вме́сте со мно́й несётся се́йчас на тре́тьей ско́рости, и его́ несча́стную го́лову в э́ту мину́ту то́же, ве́роятно, сверли́т э́та прокля́тая фра́за: «Дава́й-ско́ре́й, Ма́линин! Дава́й! Тащи́ ско́рее! Воло́чи ско́ре́й! Воро́чай! Дава́й, Ма́линин! Дава́й! Дава́й! Дава́й! Ско́ре́й! Ско́ре́й! Ско́ре́й!..»

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

*Это был, наве́рное, е́динственный в своём ро́де «бунт»
на землё́*

Всё!

Всё ру́хнуло!!! Все мо́й наде́жды, все мо́й мечты́ и фанта́зии — всё ру́хнуло! Я по́нял, я оконча́тельно уве́рился в том, что тако́й жи́зни, о кото́рой я мечта́л, си́дя на ла́вочке в ожида́нии Ми́шки Яковлева, тако́й жи́зни нет и не мо́жет быть ни́где — ни на землё́ и ни под землё́й... Ни у воро́бьев, и ни у ба́бочек, и ни у муравьёв!.. И у тру́тней то́же наве́рняка́ нет тако́й жи́зни. И тако́го состоя́ния, в кото́ром мо́жно ни́чего́ не де́лать, то́же, ве́роятно, не существу́ет, пото́му что е́сли бы мы се́йчас с Ко́стей да́же бы́ли тру́тнями, а не муравья́ми, то мы бы с ним стара́лись ни́чего́ не де́лать, а для того́ что́бы ни́чего́ не де́лать, как я убе́дился, ну́жно обы́чно сто́лько сде́лать, что уж лу́чше что́-нибу́дь де́лать, чем пы́таться ни́чего́ не де́лать...

...Нет такой жизни! И незачем её искать! И нечего терять время! О-н-а не существует! А если всё это так, то зачем же тогда я и мой лучший друг Костя Малинин всё ещё продолжаем быть муравьями? Почему мы на третьей скорости ремонтируем муравейник, в котором даже не собираемся жить? Зачем мы обливаемся потом и падаем на каждом шагу от усталости?

Порá! Порá возвращаться, пока не случилось какой-нибудь ужасной неожиданности. У этих птиц и насекомых каждую минуту может случиться такое, что потом и костей не соберёшь. Я оглянулся на Костю Малинина.

Малинин молчал, он ни о чём меня не спрашивал, он не ворчал на меня за то, что в третий раз попал в такую передрыгу, он не ругал и не проклинал меня, и это было невыносимо. Уж лучше бы он меня разнёс за всё в пух и прах.

Но Костя молчал, словно воды в рот набрал. Он копошился, нагружался, разгружался, снова нагружался и опять разгружался, носил, таскал, перетаскивал, не отставая от меня ни на шаг. Костя работал, как самый заправский муравей.

«Надо остановиться! — подумал я. — Немедленно прекратить работу и остановиться. Надо сохранить силы для нашего возвращения. А то этот инстинкт к вечеру загоняет нас с Костей до полусмерти, так, что не шевельнешь ни рукой, ни ногой... В конце концов, пусть этому инстинкту обыкновенные муравьи подчиняются без всякого рассуждения, а мы Е-М-У докажем, что мы с Малининым разумные существа. Докажем! А как мы ему докажем, если от моего этого самого разума в голове уже почти ничего не осталось! И мыслей никаких, кроме: «Жми! Тащи! Неси! Ворочай!..» И вот я жму, тащу, несущу, ворочаю, а сам себе тихонько командую: «Думай, Баранкин! Думай!...

Соображай всё-таки назло этому самому инстинкту! Не подчиняйся ему! Не подчиняйся!..»

И вот тут-то в моей голове при слове «не подчиняйся» вдруг мгновенно созрел план заговора, может быть, единственного в своём роде на всём земном шаре. Я решил против инстинкта поднять самый настоящий бунт и самое настоящее восстание!

Я остановился на бегу с охапкой хвойных иголок. Я поднялся на задние лапы. Я распрямил свою усталую спину. И закричал громко, на всё поле боя, как Пётр Первый под Полтавой.

— Малинин! — командовал я. — Сбрасывай с себя мусор! Будет!

— «Будет»? Что будет? — спросил Костя совершенно равнодушным голосом.

— Бунт будет! Вот что будет! Заговор!

— Против кого заговор?

— Против И-Н-С-Т-И-Н-К-Т-А! Заговор!..

— А что такое «заговор»? — спросил Малинин.

Вот тебе раз! Видно, у Кости от этой муравьиной жизни уже начал ум за разум заходить, раз он уже начал забывать значение самых обыкновенных человеческих слов. Тогда я быстренько напомнил ему значение слова «заговор» и объяснил ему, что это значит. Костя тупо выслушал меня и тупо спросил:

— А какой заговор?

— Что значит — какой? Обыкновенный!.. То есть не обыкновенный, а смертельный — вот какой! Ясно?

— А что значит «смертельный»? — опять задал мне вопрос Костя.

— Смертельный — это значит: мы лучше с тобой умрём, но не подчинимся инстинкту!

— А что такое «не подчинимся»? Как — не подчинимся? — Малинин посмотрел на меня печальными глазами и недоверчиво вздохнул.

— Ну, очень просто! Понимаешь, он, инстинкт, будет нас, меня и тебя, нагружать... Понимаешь, нагружать?

— Нагружать — это я понимаю, — сказал Костя.

— Ну вот! — обрадовался я. — Он, инстинкт, будет нас нагружать и заставлять работать, а мы, я и ты, будем ему не подчиняться... Не подчиняться — понимаешь?..

— А как — не подчиняться?

— А вот так не подчиняться! Вот так! Смотри!

Я взял и сбросил охапку хвойных иголок со спины на землю. Костя Малинин сначала посмотрел на меня, как на ненормального муравья, потом с трудом о чём-то подумал и тихонько опустил на землю берёзовый лист. Потом мы вместе налегке сбежали с муравьиной дорожки в сторону. Инстинкт, конечно, хотел тут же заставить меня поднять иголки, но я ему не подчинился. Костя Малинин стоял напряжённо рядом со мной, потом вдруг закружился на месте, как собака, которая хочет поймать себя за свой хвост.

— Чего ты вертишься? — спросил я Малинина.

— Очень хочется вернуться и поднять лист, — прошептал Малинин.

— Не подчиняйся ни за что! Преодолевай!

— Я и так преодолеваю.

— Молодец! — похвалил я Малинина, забираясь под куст травы. — Иди сюда.

Тяжело дыша и преодолевая на каждом шагу сопротивление инстинкта, Костя с трудом приблизился ко мне и вцепился в меня всеми шестью лапами. Я подтянул к себе берёзовый листок и укрылся им с головой, словно одеялом, чтобы нас никто не видел.

— А теперь, — сказал я лихорадочным шепотом, — а теперь, Малинин, сосредоточься и повторяй за мной:

Ни ночью! Ни днём!
Не хочу! Быть!
Муравьём!
Я! Хочу! Навёки!
Быть! Человеком...

Гро́мко всхли́пнув, Ко́стя глубоко́ вздохну́л и вме́сто волшебных слов заклинáния сказа́л:

— Ой, ма́мочка!..

— Чего́ ты? — спроси́л я.

— Меня́ за ногу кто́-то дёргает!..

Я, конечно́, подумал, что это к Ко́сте о́пять инстин́кт привяза́лся. Приподня́в берёзовый лист, вы́глянул нару́жу, смотре́ю — нет, не инстин́кт, а како́й-то совершенно́ незнако́мый муравей схвати́л Ко́стю за за́днюю ла́пу и тянет изо всех сил...

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТОЕ,

небывáлое и неслы́ханное на весь муравейник

Я думал, что мне уда́тся легко́ отде́латься от муравья́, но я оши́бся. Муравей оказа́лся о́чень насты́рным. Он и меня́ то́же схвати́л за одну́ ла́пу.

Я ему́, конечно́, пригрози́л: «Отцепи́сь! А то ху́же бу́дет!», а он всё тянет и тянет, пото́м дёргать на́чал, пото́м взял и стяну́л с нас одея́ло, то есть берёзовый лист. Я, конечно́, разозли́лся и вскочи́л на́ ноги; ста́рый муравей обсту́кал нас с Ко́стей с ног до голо́вы у́сиками, сло́вно до́ктор, и спра́шивает:

— Вы что, заболели́?

— Нет, — говорю́, — я ли́чно здоро́в...

— А почему́ же вы лежите́?

— А мы отды́хаём!

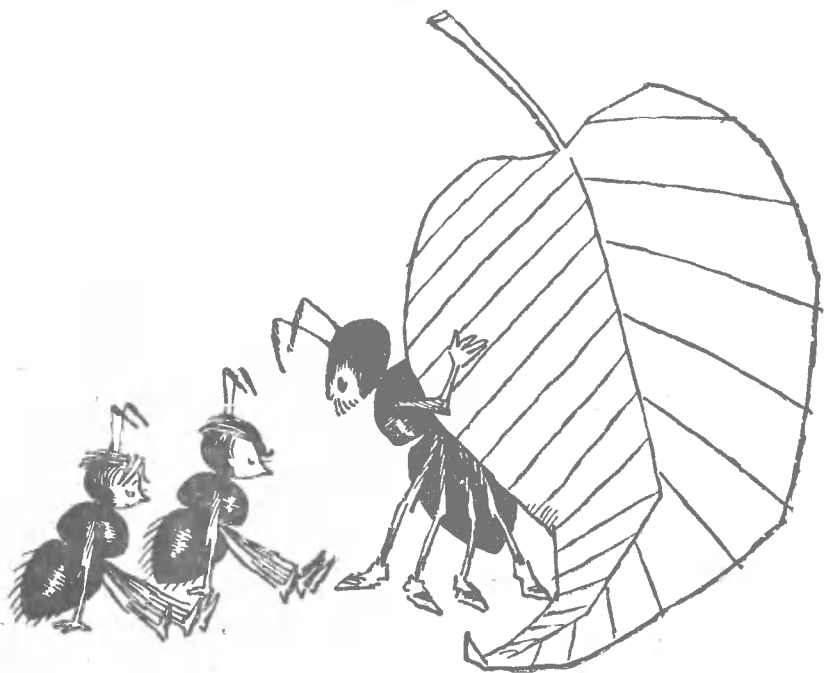
— А почему́ вы отды́хаете, когда́ все рабо́тают?

— Потому́ что сего́дня воскресе́нье, — сказа́л я.

- Какое воскресенье? — не понял муравей.
- Выходной день, — пояснил я.
- Какой выходной? Почему выходной?..
- Обыкновенный день отдыха, — сказал я.

Весть о том, что два муравья в самый разгар работы легли спать, сразу же облетела весь муравейник. Это происшествие было, вероятно, настолько небывалым и неслыханным, что на нас собрались посмотреть все муравьи. Одни окружили меня и Костю на полянке плотным кольцом и стали тарачить на нас глаза, другие забрались на цветы и траву и разглядывали нас сверху.

— Что такое выходной день? — продолжал допрашивать меня дотошный муравей.

— Выходной день — это такой день, когда никто не работает, — стал объяснять я собравшимся, и чем больше я им объяснял, тем меньше они меня понимали. — В общем, — сказал я, — когда мы жили там, мы в этот день никогда не работали.

— Где это «т-а-м»?

— Там! — Я махнул лапой в сторону большого каменного дома. — Там... Вон в том кирпичном муравейнике, то есть не в муравейнике, а в этом... в человеинике...

Я совсем запутался и замолчал. Из толпы муравьёв слышались голоса:

— Подозрительно! Подозрительно!

— Кто они такие?

— Надо разобраться, разобраться!

— Не надо разбираться, оторвать им ноги, и всё!

— Они не мы, они чужие! Они и говорят не по-нашему!

— Надо разобраться, разобраться!

Пока старые муравьи совещались между собой, что с нами делать, толпа продолжала шуметь. Пока толпа продолжала шуметь, а старые муравьи продолжали совещаться, я успел шепнуть Косте:

— Малинин! Повторяй за мной слова, пока не поздно:

Ни ночью! Ни днём!

Не хочу! Быть!

Муравьём!

Но Малинин Костя будто оглох. Он с ужасом смотрел на старых муравьёв, совещавшихся между собой в стороне, и ничего не слышал.

Тогда я тоже замолчал. Не мог же я поступить иначе, тем более что к этому времени старые муравьи кончили совещаться и один из них со словами «слушайте все!» снова приблизился к нам с Костей.

— Слушайте все! — сказа́л он. — Вот э́ти два муравья́, — ста́рый муравей́ показа́л ла́пой в на́шу сто́ро-ну, — э́ти два безде́льника, не дожидáясь Луны́, пре-крати́ли рабо́ту в са́мый разга́р Со́лнечного Све́та!.. Не дожидáясь захо́да Со́лнца, о́ни перестáли рабо́тать и легли́ спать, укрь́вшись берёзовым листьём. Я ста́рый муравей́, но я никогда́ не слы́шал от старей́ших муравьёв, что́бы в на́шем муравей́нике когда́-нибудь про-изошло́ тако́е не ви́данное мо́ими глаза́ми и не слы́хан-ное мо́ими уша́ми престу́пление.

Толпа́ грóзно загудела́.

— Слушайте все! — повтори́л ста́рый муравей́. — Со́вет Старей́ших Муравьёв реши́л пригово́рить э́тих двух престу́пников к Смерти́!..

Толпа́ муравьёв загудела́ одобри́тельно. Ко́стя Ма-ли́нин не успе́л пикну́ть, как к нему́ и ко мне подошло́ штук де́сять муравьёв. Не говоря́ ни сло́ва, о́ни схвати́-ли нас с Ко́стей за́ ноги, переверну́ли и понесли́ прочь от муравей́ника.

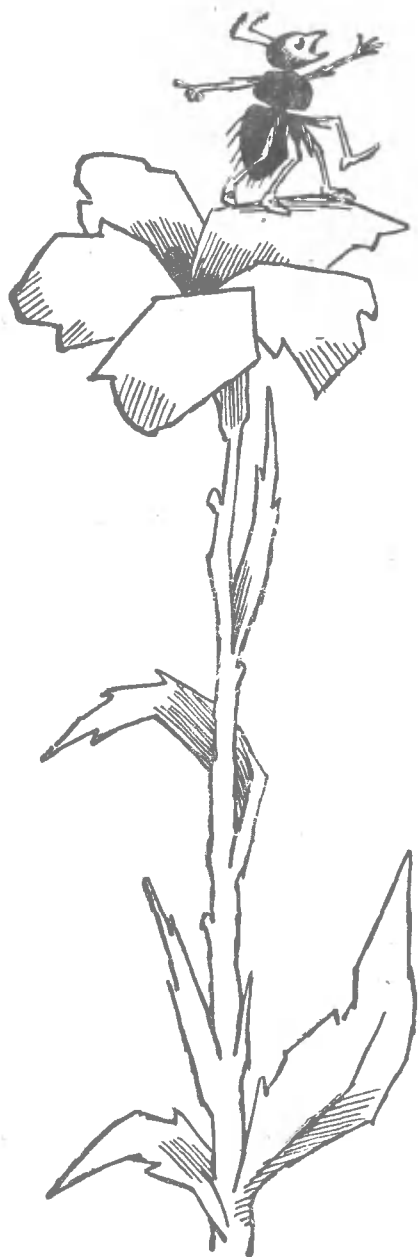
СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Вот что тако́е ми́рмики и вот что тако́е Ко́стя Ма́линин

Не зна́ю, чем бы ко́нчилось всё э́то (я да́же бою́сь дога́дываться, чем бы э́то всё могло́ ко́нчиться!), е́сли бы сидев́ший на вы́соком цветке́ муравей́ не закрича́л:

— Ми́рмики иду́т! Ми́рмики! Ми́рмики!!!

При сло́ве «ми́рмики» волочи́вшие меня́ и Ко́стю муравьи́ ка́к-то стра́нно задрожáли с ног до голо́вы и броси́ли нас на зёмлю. Потóм о́ни замета́лись во все сто́роны, замаха́ли дрожа́щими у́сиками и забáвно за-дры́гали нога́ми. Всё э́то было́ похо́же на како́й-то во-и́нственный та́нец дикаре́й. Посту́кивая друг дру́га у́си-ками, приподнима́ясь на за́дние ла́пы, пританцо́выва́я

и принимая время от времени страшные, угрожающие позы, муравьи повторяли один за другим то странное и непонятное слово, которое произнёс муравей, сидевший на цветке: «Мирмики! Мирмики!» Затем они, как один, все вместе упали с задних лап на четвереньки и опрометью бросились в кусты травы, забыв про нас с Костей. Прошло ещё мгновение, и муравьи все до одного скрылись за стволами травинки. Поляна опустела. Мы остались одни.

Не знаю отчего, но мне почему-то тоже передалось то самое тревожное настроение, которое охватило всех муравьёв при слове «мирмики».

— Лезь за мной! Только тише... Не шуми,— сказал я Косте Малинину, влезая на близрастущий цветок и оглядывая окрестности.

— Почему тише? — спросил Малинин, карабкаясь следом за мной.

— Так! На всякий случай,— сказал я, не догады-

ваясь о том, что моя предосторожность ровно через минуту спасёт нам с Костей жизнь. — Ползи выше.

— А я что, не ползу, что ли? — огрызнулся Малинин.

Забравшись на лист, я хотел уже подняться ещё выше, как вдруг заметил внизу, под нами, чёрного хромого муравья и всех остальных наших «носильщиков». Они вышли из густой травы, как-то странно пятясь спинами. Рассыпавшись цепочкой, остановились. Свесив головы с листка, мы с Костей стали молча наблюдать за странным поведением чёрных муравьёв. Они стояли не шевелясь, словно солдаты, приготовившиеся к бою, и в эту минуту из травяного леска выползло штук пятнадцать здоровенных муравьёв красно-рыжего цвета. Выползли и тоже остановились.

То, что произошло дальше, походило на коротенький киножурнал про войну.

Рыжие муравьи, как собаки, бросились на чёрных, щёлкая своими огромными челюстями, как щипцами. Не успел я моргнуть, как по земле покатились, словно мячики, головы чёрных муравьёв. Из всех черноголовых солдат уцелел только один хромоногий. Видно, это был самый опытный и бывалый солдат, так ловко отбивался он от наседающих на него двух рыжих муравьёв. Одному из них он даже успел вцепиться в усики, и тот от боли закрутился волчком по земле, но в это время ещё двое рыжих подросли к своим на помощь и, схватив хромого за задние лапы, растянули его на земле.

Чёрный встряхнулся, но тут ещё один рыжий мирмик прыгнул ему на спину, и с чёрными муравьями всё было кончено.

Рыжие с победоносным видом огляделись по сторонам, пошевелили усиками и стали молча счищать пыль с боков и приводить себя в порядок.

Я отполз от края листка, чувствуя, как инстинкт, тот самый инстинкт, который мы недавно преодолели с Костей Малининым, начинает снова пробуждаться во мне, и не только начинает пробуждаться, но, кажется, посылает меня в бой на помощь нашим черноголовым муравьям. Ещё секунда, и я бы непременно прыгнул с цветка прямо на спины рыжим мирмикам, но я не прыгнул с цветка, я взял и, как в прошлый раз, преодолел в себе инстинкт, потому что это было с его стороны явной глупостью — посылать меня одного в бой против целого отряда мирмиков. И потом, я твердо знал: если я нападѹ на рыжеголовых, то инстинкт заставит, конечно, и Костю ввязаться в драку, а уж где-где, но в драке с мирмиками Малинину несдобровать, это определѐнно.

Пока я мысленно боролся с инстинктом, мирмики успели скрыться в зарослях травы, и поляна снова опустела. Стараясь не шумѣть, мы с Костей на цыпочках быстро вскарабкались на самую верхушку цветка и чуть не ахнули. Оказывается, рыжие муравьи к этому времени успели окружить муравейник со всех сторон. На полянах и в траве уже кипѣло самое настоящее ожесточѐнное сражѣние.

— Война, Малинин! — сказа́л я.

— Война, Баранкин! — сказа́л Кость Малинин.

Хотя рыжих солдат на поле боя было гораздо меньше, зато они были крепче, сильнее и гораздо опытнее чёрных муравьѣв. Медленно, шаг за шагом, они теснили чёрных муравьѣв, отступавших к муравейнику. Поляны, взятые с бою рыжими мирмиками, были все усеяны чёрными трупами. Они лежали на земле в самых разнообразных позах. Раненые вздрагивали ногами, слабо шевелили челюстями.

— Гады! — закрича́л вдруг Малинин, поднимаясь на задние лапы. — Вот гады! Маленьких быют!

Я схватил Малинина на всякий случай за лапу и оттащил от края наблюдательного пункта.

А бой тем временем разгорался всё сильнее и сильнее. Дерущиеся хватали друг друга за ноги, делали подножку, откусывали усики и вцеплялись в горло мертвой бульдожьей хваткой.

— Вперёд, чернопúзые! Не робей! Бей рыжих! — орал Кóстя, вырываясь у меня из рук. — Бей захватчиков!

А чернопúзые были действительно молодцы. Они как-то очень быстро сумели приноровиться к мирмикам и дрались теперь как львы, используя своё численное превосходство. Впятерóm или вшестерóm они дружно бросались на рыжего великана, за ноги и за усики растягивали его на земле и приканчивали.

— Так их! Так их! — заорал я во всё горло.

— Вперёд, чернопúзые! — закричал Кóстя.

— Урра! — закричали мы вместе с Кóстей.

Рыжие дрогнули и стали отступать.

Я заложил лапу в рот и оглушительно свистнул. Кóстя запрыгал от радости по цветку, закружился и вдруг остановился как вкопанный.

— Смотри! — сказал он, глядя в противоположную от муравейника сторону.

Я взглянул вниз и увидел вдаль за холмом большой отряд мирмиков, спешивших к своим на помощь. И это в ту минуту, когда чёрные заставили отступить рыжих по всему фронту. Если эта армия рыжеголовых подспеет на помощь, чёрным несдобровать. Нам с Костей тоже несдобровать: мы ведь с ним тоже чёрные муравьи. Кругом война, а мы расселись, как в кино, и смотрим.

Если бы сейчас я и Костя были людьми, а не мурашками, мы бы могли чёрным помочь как полагается, а так — что от нас толку! А может быть, и так будет толк? Если сейчас взять на себя командование чёрными мурашками, сразу может получиться другая картина. Конечно, они нас хотели с Костей казнить, ну да ладно! Это они не со зла, а за дело. Вообще-то они хорошие ребята! И дерутся здорово, только очень уж как-то инстинктивно, не соображают, что к чему, и главнокомандующего у них нет, каждый сам за себя, а если бы им сейчас командира, вот тогда бы они показали этим рыжим мирмикам, где раки зимуют!

А что, если нам действительно взять командование на себя? Я — главнокомандующий, Костя — начальник моего штаба. Да нет, Костя Малинин наверняка испугается — какой из него начальник штаба! Нет уж, лучше поскорее превратиться в людей, превратиться и отогнать этих рыжеголовых от муравейника.

— Малинин! — командовал я, не отрывая глаз от сражения. — Повторяй, Малинин!..

Я хочу навеки
Быть Человеком!..
Ни ночью, ни днём
Не хочу быть муравьём!

— Баранкин, за мной! Смерть мирмикам! — услышал я за спиной отчаянный крик Кости Малинина.

Я обернулся, но было уже поздно. Со словами: «Баранкин, за мной! Смерть мирмикам!» — Костя спрыгнул с цветка и, подхватив на бегу с земли сучок-дубинку, ринулся наперерез отряду рыжих муравьев-разбойников на соединение с черными мурашами!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мы попадаем в окружение

«Инстинкт!» — мелькнуло у меня в голове. Неужели в Косте Малинине заговорил инстинкт, и не только заговорил, но и погнал его на войну? Нет! Я слишком хорошо знал Костю Малинина, чтобы так подумать. Костя в жизни был не очень-то смелый, и никакой инстинкт не мог заставить его ввязаться в драку. Просто на этот раз в Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК, ведь в каждом же человеке должен заговорить человек, если на его глазах большие начинают несправедливо обижать маленьких, да ещё таких симпатичных и настоящих работяг, какими были чернопузые мураши. Да! В Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК! Ну, Малинин! Молодец, Малинин! Взял и на расстоянии услышал мои мысли и ринулся в самую гущу боя на выручку черным мурашам. Ни секунды не раздумывая, я тоже спрыгнул с цветка и сломя голову помчался за Малининым вдогонку, вниз по склону горы.

С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл черным муравьям. Надо было во что бы то ни стало предупредить об этом НАШИХ, но Малинин, вместо того чтобы идти на соединение с черными муравьями, вдруг яростно рванулся влево и помчался один прямо навстречу наступающим по всему фронту мирмикам.

— Костя! — орал я на бегу. — Малинин! Подожди!

Не в ту сторону наступá-
ешь! Куда ты? Убьют! Кó-
стя! Остановись!

Но Кóстя Мали́нин на
мой кри́ки не обра́щал ни-
какого внима́ния.

— Вперёд! На врага́!
Бей фаши́стов! — визжа́л
он, разма́хивая дуби́нкой
и прибавля́я ходу. Он мча́л-
ся вскачъ ка́ким-то лоша-
ди́ным гало́пом, оставля́я
за собо́й облака́ пыли́.

Отря́д ми́рмиков, заме́тив несущего́ся им наперерезъ
чёрного муравья́, сразу́ же измени́л направле́ние дви-
же́ния. Перестро́ившись на ходу́, ми́рмики о чём-то
бы́стро посове́щались ме́жду собо́й и помча́лись на-
встрёчу Кóсте Мали́нину. Сейча́с они́ сшибу́тся, и голо-
ва́ Мали́нина, отру́бленная стра́шной че́люстью, пока́-
тится по траве́... Охвати́в полуко́льцо́м несущего́ся им
навстрёчу Мали́нина, ми́рмики тем са́мым соверше́нно
отре́зали нас от своихъ.

Тепе́рь всё решáла ско́рость. В три тигри́ных
прыжка́ я нагна́л Кóстю, схвати́л его́ за за́дние ла́пы
и поволо́к прочь за холм, к ма́ленькому ручейку́. Пе-
репра́вившись че́рез бушу́ющий пото́к на берёзо-
вом листке́, я стащи́л Мали́нина за́ ноги на бе́рег и
спря́тал в траве́ в то са́мое вре́мя, когда́ на противопо-
ложный бе́рег вы́сыпали пресле́дующие нас ры́жие
муравьи́. Для бо́льшей безопа́сности я оттащи́л Кóстю
поглубже́ в лес и стряхну́л его́ со спи́ны.

Кóстя Мали́нин продо́лжа́л сиде́ть с очуме́лым ви-
дом на траве́, глаза́ у него́ бы́ли выпучены́ так, бу́дто
он всё ещё́ продо́лжа́л мы́сленно мча́ться навстрёчу
ми́рмикам.

— Эх ты, вояка! — сказа́л я, с трудо́м вырыва́я из Кóстиных лап сучо́к-дуби́нку. — Размура́шился! Сейча́с как трэ́сну тебя́ по башке́, что́бы ты в друго́й раз не лез куда́ не на́до! На́до бы́ло иди́ти на соедине́ние с на́шими, а ты... Эх, Ма́линин!..

Я бы, наве́рное, и впра́вду влепи́л Кóсте оплеу́ху, е́сли бы в ча́ще травы́ в э́ту мину́ту не мелькну́ла спи́на ры́жего ми́рмика. Я поверну́л го́лову. Из кусто́в вы́сунулась ры́жая мо́рда и зве́рски пошевели́ла о́громными че́люстями. Спра́ва и сле́ва то́же показáлись ры́жие муравьи́... Вот тебе́ раз! Зна́чит, им то́же уда́лось перебра́ться че́рез руче́й, и не то́лько перебра́ться, но и окру́жить нас с Кóстей со всех сторо́н.

— Лезь на цвето́к! — ти́хо шепну́л я Ма́линину. — Моментáльно сосре́доточи́вайся и неме́дленно превра́щайся в челове́ка!

— А ты?

— Я бу́ду прикрыва́ть твой отхо́д. Сам ви́дишь, в како́е положе́ние попа́ли. Лезь!

Кóстя шмыгну́л по сте́блю вверх, я — за ним. Ми́рмики услы́шали шóрох и задра́ли вверх мо́рды. Оди́н из них, что́бы лу́чше ви́деть, встал на за́дние ла́пы.

— Лезь вы́ше, — шепну́л я Кóсте, — замети́ли, га́ды! Лезь на са́мый цвето́к и там скорée превра́щайся...

Пока́ Ма́линин кара́бкался на верху́шку цвето́ка, ми́рмики окру́жили сте́бель и ста́ли мо́лча оди́н за дру́гим поднимáться вслед за на́ми.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Де́сять больш́их на двух ма́леньких и паутинка-самолёт

— Эх, вы! — кри́кнул я, свёсиваясь с листика. — Де́сять больш́их на двух ма́леньких... Не сты́дно?

В по́лном молча́нии ми́рмики продолжа́ли подни-

мáться по стéблю всё в́ыше и в́ыше. На расстоянii двух-трёх сантимéтров от меня́ онí остано́вились и заскрежéтали чéлюстями. «И́нтерéсно! Успéет превра́титься Мали́нин в чело́века́ и́ли нет? — подумáл я, перехвáтывая дуби́нку из однóй ла́пы в другóу. — А ничегó он без меня́ и не сумéет, и не успéет...»

— Ты, ры́жий, — кри́кнул я сáмому здоро́вому ми́рмику, — дава́й одiн на одiн! Я тебá вызывáю!

Ры́жий верзiла, не говоря́ ни слóва, сдéлал шаг вперёд и раздвину́л чéлюсти. Я размахну́лся и изо всех сил двiнул егó сучкóм по башкé. Ми́рмик покачну́лся и, не изда́в ни зв́ука, молча свали́лся на зéмлю. Мéсто сбiтого моментáльно без шу́ма зáняли двóе ры́жих муравьёв.

Я ужé пригото́вился их хорошéнечко встрéтить, вдруг слы́шу — свéрху раздаётся гóлос Мали́нина:

— Юрка! Осторо́жней! Трéтий ми́рмик к тебé со спины́ заползáет...

Взобравшись на лист, я трёмя́ удáрами сбил трёх ми́рмиков со стéбля и кри́кнул:

— Мали́нин! Ты почему́ не превращáешься в чело́века, почему́ не выполня́ешь моего́ приказáния?

— А я без тебá всё равно́ не б́уду ни в когó превращáться! — зашипéл свéрху Кóстин гóлос.

— Нет, б́удешь! — заорáл я, отбивáясь от наседáющих на меня́ ми́рмиков и влезáя на сáмый вéнчик цветкá.

Всё! Дáльше ползти́ бы́ло нéкуда. Внизу́, под нáми, бы́ли ми́рмики, вверху́ — нéбо, посередiне — мы с Кóстей Мали́ниным.

— Это́ почему́ же ты не б́удешь превращáться? — заорáл я на Мали́нина, но в это́ врéмя из-за лепесткá показáлась ры́жая голова́ и свирéпо завращáла гла́зами. — Мали́нин, превращáйся сейчáс же! — Я удáрил ми́рмика пáлкой по чéрепу.

Мірмик скры́лся.

— Превраща́ться, так вме́сте! — сказа́л Мали́нин.

Из про́пасти с друго́й сторо́ны о́пять вы́лезла голо́ва ми́рмика.

— Вме́сте не успе́ем! — Я ко́льну́л муравья́ сучко́м, сло́вно шпа́гой.

Мураве́й спря́тался.

— А оди́н я не бу́ду! — сказа́л Мали́нин.

Я размахну́лся изо всех сил, чертыхну́лся и съезди́л вы́сунувшегося ми́рмика с тако́й си́лой, что сучо́к пере́ломилс́я. Ми́рмик полете́л на зе́млю, а у меня́ вме́сто гро́зной дуби́нки оста́лся в рука́х како́й-то жа́лкий обло́мок.

Мы отступи́ли с Ко́стей к са́мой сере́дине рома́шки. Защища́ться бо́льше было́ не́чем, и ми́рмики сло́вно догада́лись об э́том. Четы́ре ры́жие голо́вы однове́менно вы́сунулись с ра́зных сторо́н. Мы с Ко́стей обня́лись.

— Пропа́ли! — сказа́л Мали́нин. — Проща́й, Ба́ранкин!

Я да́же не стал успока́ивать своего́ лу́чшего дру́га, потому́ что всё было́ похо́же на то, что мы с Ко́стей Мали́ниным действи́тельно пропа́ли. Внизу́ бы́ли ми́рмики, вверху́ — не́бо, ме́жду ми́рмиками и не́бом — мы с Ко́стей. Хоть бы перескочи́ть на сосе́дний цвето́к, да не допры́гнешь — далеко́... Ещё мо́жно спры́гнуть с цвето́ка на зе́млю, но ми́рмики, кишёвшие в траве́, то́лько э́того и жда́ли. А ведь сто́лько раз нам с Ко́стей удава́лось избега́ть сме́ртельной опа́сности, мо́жно сказа́ть, чу́дом, но ведь удава́лось! Неужели́ на э́тот раз я не найду́ вы́хода из поло́жения, неужели́ нам с Ко́стей суждено́ поги́бнуть так глупо́ вот здесь, на цвето́ке рома́шки, в не́скольких шага́х от настоя́щей челове́ческой жи́зни? Неужели́ ВСЁ, ВСЁ, что мы узна́ли, пере́жили и пере́чувствовали, пропаде́т зря?!

— Держись, Мали́нин! Сейча́с мы пока́жем э́тим ми́рмикам, как погиба́ют настоя́щие ребята́!

Я подня́лся на за́дние ла́пы, что́бы встре́тить как полага́ется э́тих ми́рмиков — и уда́рился голово́й о ту́го натяну́тую под ве́тром паути́ну: она́ зацепи́лась за лепесток и болта́лась над цветко́м, сло́вно ни́точка из волшебного ковра́-самолёта.

— Мали́нин! — заора́л я на Ко́стю, и Ко́стя на э́тот раз по́нял меня́ без слов.

Он шмыгну́л по паути́нке вверх, я — за ним. Оста́лось то́лько перекусить паути́нку... И я её перекусил. И паути́нка полете́ла, полете́ла в ту мину́ту, когда́ че́тыре ми́рмика однове́менно бро́сились на нас со всех сторо́н. Ми́рмик, це́лившийся откусить мне го́лову, то́лько полосну́л че́люстью вскользь по но́ге. Че́тыре че́люсти, ка́ждая из кото́рых походила на капка́н, щёлкнули ещё́ раз, но бы́ло уже́ по́здно. Мы с Ко́стей подня́лись в во́здух. Я взгляну́л вниз на поля́ну и не пове́рил своим гла́зам: оказыва́ется, пока́ мы с Мали́ниным отбива́лись на цветке́ от чи́сленно превосходя́щих сил ры́жих проти́вников, че́рные муравьи́ успели на́голову разгроми́ть ми́рмиков и верну́лись к своим обы́чным заня́тиям.

Война́ ко́нчилась так же неожида́нно, как и нача́лась, и то́лько одни́ ра́неные муравьи́ да носи́льщики тру́пов, ута́скивавшие уби́тых подальше́ от муравейни́ка, напомина́ли о том, что всего́ не́сколько мину́т наза́д на э́тих поля́нках шло са́мое ужа́сное сраже́ние. Ма́ленькая ни́точка из паути́нного ковра́-самолёта уноси́ла нас с Ко́стей всё да́льше и да́льше от цветка́ в сто́рону муравейни́ка.

Ни но́чью, ни днём
Не хочу́ быть муравьём! —

запе́л я го́лосом, во весь го́лос.

Челюсти, каждая из которых походила на капкан, щёлкнули ещё раз, но было уже поздно.

Я хочу навѣки,—

подхватил Малинин,—

Быть Человеком!

И в это время за моей спиной раздался какой-то ужасный свист. Плотная волна воздуха толкнула меня в бок, перевернула вверх тормашками, заverteла волчком и сорвала с паутины. Кувыркнувшись несколько раз через голову, я успел заметить, как огромный стриж на всем ходу склевал Костю Малинина и взмыл в небо...

Когда я понял, что-то случилось, мне стало дурно, я потерял сознание и свалился без чувств на землю...

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

«Загробный» голос

Не знаю, сколько времени мне пришлось пролежать без памяти в траве, навёрное, очень долго, но когда память стала постепенно возвращаться ко мне, я всё равно продолжал валяться, словно без памяти.

Я лежал и бредил. Всё, что мы пережили с Костей, всё-всё в чудовищной непоследовательности снова мелькало перед моими глазами. Я попробовал открыть глаза, но от этого ничего не изменилось — или вокруг была ночь, или я ослеп... Тогда я стал думать о Косте.

Костя погиб, но в моей памяти он был совсем-совсем живым. Моя память, хоть ненадолго, воскресила моего лучшего друга, и от этого мне стало немного легче. И почему только этот проклятый стриж склевал не меня?.. Ведь я же втравил Костю в эту историю, и вот я живым, а Костя погиб, погиб как муравей, не успев даже превратиться в человека! Сначала эта мысль мне показалась правильной, а потом я подумал ещё немного, и эта мысль мне показалась неправильной. Что значит — Костя погиб как муравей, не успев превратиться в человека? Да Костя, в кого бы он ни превращался, он всё равно по отношению ко мне оставался че-ло-ве-ком! И на помощь муравьям Костя бросился как человек! И меня в беде не оставил! И один без меня не захотел ни в кого превращаться! И перед мирмиками не струсил! Да если бы Эрка Кузякина видела своими глазами, как бесстрашно себя

вёл Кóстя Мали́нин на войнѣ, да она́ бы ему́ одному́ весь нóмер стеннóй газѣты посвятíла, а Али́к Нóвиков, е́сли бы он был муравьи́ным корреспондѣнтом, да он бы на него́ всю плѣнку исщёлкал.

Нет, Кóстя Мали́нин всё ЭТО́ время́ был челове́ком, и поги́б он как челове́к. И не на́до бы́ло ему́ шепта́ть ника́ких волшебных слов, и не на́до бы́ло ему́ желáть по-настоя́щему преврати́ться в челове́ка, потому́ что он уже́ давно́ преврати́лся! Да! Кóстя Мали́нин, безусло́вно, преврати́лся в челове́ка, а я?.. Конечно́, самому́ о себѣ мне т́рудно говори́ть, и вѣл я себѣ по отноше́нию к Кóсте Мали́нину как челове́к и́ли нет, мне тяжело́ самому́ суди́ть... Мо́жет быть, я как был муравьѣм, так и оста́лся?.. Мо́жет быть... То́лько я то́же, че́стно говори́, я то́же стара́лся не подга́дывать... Мне ве́дь то́же из-за Кóсти Мали́нина ми́рмики ско́лько раз го́лову чуть-чуть не оття́пали. Хорошо́, что в послѣ́дний раз ещё́ промахну́лись да вме́сто головы́ в ла́пу вцепи́лись, а ла́па до сих пор вон как боли́т и но́ет.

Ве́рхней ла́пкой я осто́рожно погла́дил ту, что проку́сили ми́рмики, и дёрнулсѣ... Нет, нет, на э́тот раз я не ла́пкой гла́дил муравьи́ную ла́пку, а руко́й, челове́ческой руко́й я гла́дил но́гу, — так мне, во вся́ком слу́чае, показáлось... Тогда́ я откры́л глаза́ и действíтельно уви́дел вме́сто ла́пы обы́кновенную мальчи́шескую но́гу. Это была́ моя́ нога́, и то́лько запѣкшаяся от кро́ви цара́пина напомина́ла о том, что э́та нога́ совсе́м неда́вно была́ муравьи́ной ла́пой, и ру́ки у меня́ бы́ли тепѣрь как ру́ки, и голова́... И голова́ на ме́сте...

Что́бы прийтí оконча́тельно в себѣ, я ещё́ немно́го полежа́л в травѣ, потóм немно́го посидѣ́л, а потóм встал, отрях-

ну́л штаны́ и, спря́тав ру́ки в карма́ны, как челове́к за-
шага́л к до́му. Я шёл не глядя́ по сторо́нам, уткну́в-
шись гла́зами в носки́ боти́нок. В голо́ве у меня́ шу-
мело́, всё те́ло ны́ло, сло́вно меня́ всего́ исколотили́
па́лками, а нога́, покусанная ми́рмиками, так садни́ла,
что на неё было́ бо́льно наступáть. Ра́з пять и́ли шесть
я натыка́лся на ка́ких-то прохо́жих, кото́рые ка́ждый
раз при э́том мне говори́ли: «По́д ноги на́до смотре́ть,
ма́льчик!» — как бу́дто бы я смотре́л не по́д ноги, а по
сторо́нам.

Не по́мню, как я добра́лся до своего́ двора́, пото́-
му́ что всю доро́гу я шёл как во сне и очну́лся то́лько
тогда́, когда́ налетёл живо́том на кали́тку.

Не вынима́я рук из карма́нов, я пинко́м распахну́л
двѐрцу, подошёл к скаме́йке и сел. Во дворе́ было́ всё
по-пре́жнему. Всё так же с ака́ций то и де́ло срыва́лись
весёлые компа́нии воробье́в, над клумбо́й порха́ли ба-
бочки, а по скаме́йке бе́гали чѐрные муравьи́. Всё было́
на своём ме́сте. Не́ было то́лько Ко́сти Ма́линина. Не́
было и уже́ не бу́дет бо́льше нико́гда. Да и само́го ме-
ня́ то́же, пожа́луй, не́ было, то есть вообще́-то я был,
но я был уже́ совсе́м ка́кой-то не та́кой. Я сидѐл на ла-
вочке са́м не свой. Мне всё ка́зало́сь, что я то́лько что
верну́лся из ка́кого-то о́чень-о́чень дале́кого и о́чень
опа́сного путеше́ствия, в кото́рое я отпра́вился вме́-
сте со своим дру́гом Ко́стей Ма́лининым мно́го-мно́го
лет тому́ наза́д. Отпра́вился вме́сте с Ко́стей, а вер-
ну́лся о́дин. И тепѐрь уж всю жизнь бу́ду о́дин, совсе́м
о́дин...

Я закры́л лицо́ рука́ми и заревѐл, заревѐл пе́рвый
раз в своей жи́зни. Сле́зы бежа́ли по щека́м, по ру-
ка́м, по шее́ и да́же по живо́ту. Сижу́, реву́, а слѐзы
все́ бегу́т и бегу́т. Я да́же удиви́лся: отку́да у челове́ка
мо́жет взя́ться сто́лько слѐз? С друго́й сторо́ны, е́сли
челове́к ни ра́зу в жи́зни не реве́л, то у него́ за все́ вре́-

мя слёзы вполне могли накопиться в таком большом количестве.

— Баранкин! Ты это чего разнёюнился? — раздался совершенно неожиданно откуда-то сверху голос Кости Малинина.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Мы существуем!

— Костя, — сказал я, перестав всхлипывать и обливаться слезами. — Это ты?

— Я! — сказал голос Кости Малинина сверху; голос был глухой и далёкий, словно он шёл с неба.

— Ты уже... т-а-м?

— Где — т-а-м?..

— Ну где там, на т-о-м свете, что ли?

— На каком на т-о-м свете?.. Я на заборе, а не на том свете, чего это ты городишь?..

— Ну что ты меня, Малинин, обманиваешь? Я же сам видел, как тебя съел стриж. А раз он тебя съел, то ты не можешь сидеть на заборе.

— Кого съел стриж? Меня?.. Он тебя съел, а не меня, я своими глазами видел.

— А я тебе говорю, он тебя съел!

— Как же он меня съел, если я живой и невредимый сижу на заборе? Открой глаза — и убедишься!

— «Открой»! А если я боюсь?

— Чего ты боишься?

— Я глаза открою, а ты не существуешь, — сказал я и снова пролил целых два ручья слёз.

— Хорошо, — сказал сверху голос Кости Малинина, — сейчас ты убедишься, существую я или не существую.

Вверху что-то завозилося, зашебаршило и затём прыгнуло мне на плечи.

Я свалился на землю и открыл глаза. Костя Малинин был жив, никаких сомнений и быть не могло. Он сидел на мне верхом, тузил меня кулаками и приговаривал:

— Ну как, существую я или не существую? Существую или не существую?

— Существуешь! — заорал я, и мы вместе с Костей покатались по траве, устланной жёлтыми листьями.—

Кóстя Мали́нин из семе́йства Мали́ниных существу́ет!!!
Уррра́!!! Уррра́!!!

— Знача́т, с-у-щ-е-с-т-в-у́-е-м?

— С-у-щ-е-с-т-в-у́-е-м, знача́т!

— А как мы с тобо́й существу́ем?

— Как лю́ди!

— Как ч-е-л-о-в-е́-к-и!

— Урра́!!! — крикнули мы на ра́достях в о́дин го́-
лос и сно́ва бро́сились обнима́ть друг дру́га.

— Постóй! Постóй! — сказа́л я Кóсте. — Да́й-ка
я на тебя посмотре́ю...

— Да что ты, Юрка! — засмея́лся Кóстя. — Что ты
меня́ ра́ньше не ви́дел, что ли?..

— Не ви́дел! — сказа́л я. — Ра́ньше я тебя́ не ви́дел
и ты меня́ то́же по-настояще́му не ви́дел... А гла́вное,
что я ра́ньше сам себя́ не ви́дел и ты сам себя́ не ви́-
дел...

И мы ста́ли мо́лча смотре́ть друг на дру́га. Кóстя
смотре́л на меня́, а я смотре́л на Кóстю, и не прóсто
смотре́л, а рассма́тривал все́го, с ног до голо́вы, рас-
сма́тривал как како́е-то потре́сающее чу́до приро́ды.
Не́которое вре́мя я, наприме́р, та́раща гла́за, разгля́-
дывал Кóстины ру́ки, покрýтые боевы́ми сса́динами
и цара́пинами. Ра́ньше я, конечно́, ни за что бы не
обрати́л внима́ния ни на свой, ни на чужие ру́ки. Ру́ки
и ру́ки... А сейча́с я не мог оторва́ть от них глаз. Вот
это да! Это вам не кака́я-нибудь муравьи́ная ла́пка
или воробы́ное кры́лышко! Вы то́же никогда́ не обра-
ща́ли внима́ния на свой ру́ки? Нет, из ребя́т, мо́жет
быть, кто и обраща́л внима́ние, а девчо́нки определён-
но не обраща́ли, потому́ что о́ни обы́чно обраща́ют
внима́ние то́лько на своё лицо́.

А голо́ва!.. Я на свою́ голо́ву то́же ра́ньше не обра-
ща́л о́собенного внима́ния. Голо́ва и голо́ва... Есть на
плеча́х, и ла́дно! Нахлобу́чишь кепку́ — и хорошо́! По-

фантазируешь — и довольно! А теперь, теперь... После всего-всего, что я пережил, уж я-то точно знал, что если руки человека — это чудо, то уж го-ло-ва — это самое расчудённое чудо из всех расчудённых чудес. Даже голова Веньки Смирнова — это тоже чудо. Только он ещё не знает об этом, а во-вторых, не умеет этим чудом пользоваться. А таких, как Венька, на земном шаре может, наверное, много человек набраться. И в Америке есть свой Венька Смирнов, и во Франции, и в Англии... И везде есть такие ребята, которые ни о чём не думают, и такие, которые думают совсем не о том, о чём надо думать, — такие тоже есть. Например, я и Костя Малинин! Но теперь-то я точно знаю, отчего это всё происходит: оттого, что не все ребята знают о том, как это замечательно интересно — думать вообще и особенно думать о том, о чём нужно думать. Думать и соображать! И опять же не как-нибудь, так, инстинктивно, как говорится, по-муравьиному, а по-настоящему думать — по-человечески!!!

Не знаю, сколько бы ещё времени просидели мы с Костей вот так на траве, думая об одном и том же...

Мне Костя, конечно, не говорил, но я готов был дать голову на отсечение, я чувствовал, я слышал, честное слово, слышал, что Костя Малинин думает слово в слово о том же, о чём думаю я, но только в самый разгар наших размышлений с дерева на спину мне прыгнуло что-то пушистое и так вцепилось сквозь рубашку в искусанное муравьями, исклёванное воробьями тело, что я чуть не заорал.

— Муська! — закричал обрадованно Костя.

Конечно, это была она — наша Муська, та самая Муська, которая два раза хотела меня съесть, когда я ещё был воробьём.

— Ага, Муська! — закричал я, отдирая Муську от своей спины. — Вот я сейчас с тобой за ВСЁ и расчи-

таюсь! Мўська! — Я хотѣл схватить её за ухо, но мне помешало это сделать Костя Малинин.

— Ладно, Баранкин! — сказал Костя. — Прости её на радостях, раз уж всё кончилось хорошо!

И здесь Костя, видно, так снова обрадовался, что всё кончилось так хорошо и даже замечательно, что бросился на меня и стал обнимать изо всех сил. Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели ещё Т-О-Г-Д-А, потом я обнял забор, который стоял возле берёзы, а потом мы вместе с Костей обняли берёзу, ту самую берёзу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я, видите ли, устал быть человеком...

— Я их по всем дворам разыскиваю, а они с деревьями обнимаются! — крикнул Мишка Яковлев с велосипеда, влетая с Аликом на своей машине во двор.

Потом за ними показались Зинка Фокина, Эра Кузякина и все остальные.

— Мишка! — крикнули мы с Костей в один голос, набрасываясь на Яковлева с двух сторон и заключая его в свои объятия.

От неожиданности Мишка выпустил руль, и мы свалились на землю. Я и Костя продолжали обнимать и целовать Мишку Яковлева и Алика Новикова.

— Да вы что, ребята? Вы с ума сошли? Мы же вчера только виделись! Ребята! Да что это вы, как девчонки, прямо! — отбивались от нас и Алик и Мишка.

— Алик и Мишка! — сказал Костя Малинин со слезами на глазах, чмокая Яковлева в ухо. — А что здесь без вас было!..

— Что было? Где было? — насторожился Алик.

— Что б-ы-л-о, т-о п-р-о-ш-л-о, — сказал я и так при этом посмотрел на Костю Малинина, что тот прикусил язык.

Тут нас окружили девчѳнки из нáшего клáсса.

— Их, конечно, по всемú гóроду ищут,— сказа́ла Эра Кузякина,— а онí, конечно, на травé валяются!..

— Барáнкин! — сказа́ла Зи́на Фо́кина. — Вы на́мерены в конце́ концов занима́ться и́ли нет?

— Зи́ночка! — сказа́л я. — Зи́ночка! — повтори́л я. — Если бы ты зна́ла, Зи́ночка, к-а-к мы с Ко́стей на́мерены з-а-н-и-м-а-т-ь-с-я!

— И занима́ться, и рабо́тать! — сказа́л Ко́стя и взял из рук Эры Кузякиной лопа́ту.

А я взял лопа́ту у Зи́ны Фо́киной.

— Барáнкин! — сказа́ла Эра. — А поче́му у вас с Ко́стей вид како́й-то ненормáльный? И поведе́ние то́же... — доба́вила она́.

— Потому́ что потому́!.. — закрича́л я.

— Ну, пошлí,— сказа́л Ми́шка, — а то и так ско́лько вре́мени зря потеря́ли!..

— Минúточку! — сказа́л я. — Реба́та!.. Я до́лжен вам всем сказа́ть, что ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ!

— Барáнкин! — сказа́ла Эра. — Ты говори́шь непра́вильно! Ну́жно говори́ть: «Челове́к — э́то звучи́т го́рдо!»

— Ла́дно, Эрка! — сказа́л я. — Мы-то тепе́рь уж полу́ше твоего́ зна́ем, как звучи́т че-ло-век!.. Ве́рно, махао́н?.. То есть, ве́рно, Ма́линин?

— Ве́рно, Барáнкин!

По́сле э́тих слов мы с Ко́стей сно́ва сда́вили Ми́шку с двух сторо́н в сво́их объ́ятиях.

— Ну,— сказа́л торже́ственно Ко́стя Ма́линин мне и Ми́шке, — поползлí, зна́чит?

С э́тими слова́ми он на глаза́х у всех стал вдруг опуска́ться на четвере́ньки. Хорошо́, что я успе́л во́время схвати́ть его́ за ши́ворот.

— Куда́ поползлí? — спроси́л Ми́шка. — Поче́му поползлí?

— Ну вот! — закричала Эрка Кузякина. — Они опять за какие-то свои штучки принимаются!..

— Малинин! — сказал я грозно вслух. И затѣм так же грозно изобразил на лицѣ, чтобы он выбросил сейчас же из головы свои старые муравьиные замашки.

— Я хотѣл сказать: по-ле-те-ли! — сказал Костя и начал уже было махать одной рукой, словно крылом махабна. Хорошо, что я и на этот раз успѣл схватить его за руку.

Все, конечно, опять стали на нас смотрѣть, как на ненормальных. А я? Разве я мог им что-нибудь объяснить? Поэтому я крѣпко-накрепко сжал Костину руку и сказал многозначительно:

— М-а-л-й-н-и-н!.. — сказал я. — Чвик! Вычвик! То есть...

— Вѣдох! — сказал Костя Малинин. — Вдох-ох-ох!

И пусть ребята, как всегда, нас не поняли, но Малинин меня понял! И я его понял! И больше мы не сказали ни слова, потому что мы все втроем (я! Костя! И Мишка!) полетѣли заниматься. То есть мы не полетѣли, конечно, мы, конечно, побежали, но вмѣсте с тем и как бы полетѣли.

На лѣстничной площадкѣ я совершенно неожиданно столкнулся носом к носу с Венькой Смирновым. Помните его? Он еще стрѣлял в нас с Костей из рогатки, когда мы были воробьями. А когда были бабочками, то он нам хотѣл крылья оборвать!.. А когда были муравьями, то он муравейник наш разрушил!..

— Привѣтик! — сказал Венька, щурясь и прыгая сразу через две ступеньки вниз.

Я успѣл схватить его за рубашу и остановить.

— Ты чего? — спросил Венька.

— Вот чего! — сказал я, притягивая Веньку к себѣ и давая ему подзатыльник.

— За что? — спросил, щурясь, Венька.

— Не будешь в другой раз стрелять в меня из рогатки!

— Когда я стрелял в тебя из рогатки?

— Когда я сидел вон на той ветке! — Я показal рукой в окно на тот самый тополь, с которого меня и Костю чуть-чуть не сбил Венька из своей катапульты.

— Когда ты сидел на той ветке? Что ты городишь, Баранкин, какую-то чепуху?..

— Чеп-чеп-чепуху, говоришь? А двух воробьев на тополе помнишь?

Венька сощурился, соображая, как лучше ответить на мой вопрос.

— А это тебе за бабочек! Чтобы ты нам, то есть им, в следующий раз крылья не обрывал!.. А это за муравьев, чтоб лопатой в муравейник не тыкал...

Я дал Веньке еще два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал ее и бросился догонять Мишку с Костей.

— Баранкин! — донёсся до меня Венькин голос.

— Что тебе?

— А я так ничего и не понял все равно!

— Станешь ч-е-л-о-в-е-к-о-м, тогда в-с-е п-о-й-м-е-ш-ь! — крикнул я, перегнувшись через перила.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Я хочу навеки быть человеком!

В этот день мы занимались с Яковлевым, наверное, часа четыре подряд. Когда Мишка в самый разгар занятий спросил нас: «Ребята, а вы не устали? Может, хотите отдохнуть?» — мы с Костей в один голос закричали на Мишку: «Нет, нет! Мы не устали! Что ты? Какой еще там отдых! Ты давай не отлынивай, Яковлев!» — «Я не отлыниваю», — сказал пораженный

Мішка и стал объясня́ть нам слéдующую зада́чу, по́том он повторі́л с на́ми про́йденное, по́том объясні́л ещё́ одну́ зада́чу, по́том устро́ил нам с Ко́стей небольшо́й экза́мен, по́том он положи́л го́лову на стол и сказа́л хри́плым шёпотом, что бо́льше он с на́ми занима́ться не мо́жет, потому́ что он уже́ сорва́л го́лос и вообще́ совершенно́ вы́бился из сил.

Тогда́ мы взяли́ лопáты и пошлѣ́и с Мішкой в сад сажáть дере́вья. Физі́ческий труд — лу́чший о́тдых по́сле у́мственного напря́жения.

Когда́ мы вы́бежали во двор, то уви́дели Али́ка. Он всё́ э́то вре́мя сидѣ́л на ла́вочке и кара́улил, что́бы мы не сбежа́ли. Вот чудáк! Узнáв, что мы доброво́льно идѣ́м рабо́тать в сад, он вы́таращил глаза́ и побежа́л слéдом за на́ми, щёлкая на ходу́ фотоаппа́ратом. В са́ду нам сажáть ничегó не пришлóсь — все дере́вья бы́ли поса́жены. Тогда́ мы ста́ли их полива́ть, а Али́к о́пять тара́щил на нас глаза́ и щёлкал фотоаппа́ратом. По́том мы верну́лись ко мне домо́й и занима́лись до тех пор, пока́ и Мішка и Ко́стя не уста́ли оконча́тельно.

Когда́ Яковлев и Мали́нин разошлѣ́сь по домо́ам, я всё́ ещё́ продолжа́л сидѣ́ть над уче́бниками и занима́ться самосто́ятельно. Самосто́ятельно я занима́лся до тех пор, пока́ не засну́л за столóм. Как я очути́лся в постѣ́ли, я не по́мню, навѣ́рное, в постѣ́ль меня́ пере́нёс о́тец. Зато́ просну́лся я на слéдующее́ у́тро сам, и так ра́но, что все ещё́ спа́ли. Я с-а-м застели́л акку́ратно постѣ́ль, тихо́ позáвтракал, собра́л уче́бники, на цы́почках вы́шел из до́ма и побежа́л в шко́лу. Сего́дня я до́лжен был, я был о-б-я-з-а-н прийтѣ́ с-е-г-о-д-н-я в шко́лу са́мым п-е́-р-в-ы-м!

Так я и сде́лал. Я яви́лся в шко́лу тогда́, когда́ все моѣ́ однокла́сники ещё́ крѣ́пко спа́ли в постѣ́лях — и Зи́нка Фо́кина, и Ми́ша Яковлев, и Али́к Но́виков, и Ко́стя Мали́нин, — ну, э́тот-то, навѣ́рное, спит без

задних ног! Один я из всего класса не спал. И не только не спал, а уже был в школе часа за два до начала занятий. Так рано, вероятно, ещё ни один ученик в жизни не приходил в школу. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что по противоположной дорожке к школьному крыльцу за кустами сирени тоже крадётся чья-то фигура. Я остановился. Фигура тоже остановилась. Я сделал три шага к школе, и фигура тоже сделала три шага. Я стал подкрадываться к входной лестнице, и фигура стала подкрадываться. Я высунулся из-за куста, фигура тоже высунула свою физиономию. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец мне надоело молчать.

→ Малинин! — сказал я.

— Ну?

— Ты чего это так рано заявился в школу?

— А ты?

— Я т-а-к п-р-о-с-т-о... А ты?

— И я т-а-к п-р-о-с-т-о...

— Понятно! — сказали мы вместе.

Тихо, стараясь не шуметь, мы с Костей поднялись одновременно по каменной лестнице и приникли лицами к холодному и мокрому от росы дверному стеклу и стали молча ждать, когда нас пустят в н-а-ш-у ш-к-о-л-у. Мы стояли молча, не глядя друг на друга, стояли и просто ждали, даже не подозревая, что ровно через два часа начнутся такие удивительные события, события, которые потрясут не только весь наш класс, но и всю школу...

Во-первых. Ровно через два часа и десять минут меня вызовет к доске Нина Николаевна, и я буду ей рассказывать всё, что я знаю о жизни бабочек. И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись! Молодец! Когда ты отвечал, мне даже показалось, что у тебя за спи-

ной выросли крылья!» После этих слов весь класс так и покатылся от смеха, и только мы с Костей не улыбаемся и будем сидеть за партой серьезные-пресерьезные.

Во-вторых. Через два дня мы с Малининым Костей исправим по геометрии двойки на четверки.

В-третьих. Через три дня Зинка Фокина заявит во всеуслышание, что будто бы мы с Костей, по ее мнению, заболели какой-то загадочной болезнью и что это у нас, вероятно, скоро пройдет.

В-четвертых. Еще через несколько дней Зинка Фокина вдруг почему-то перестанет при каждом удобном случае говорить мне: «Баранкин, будь человеком!»

В-пятых. Дней через пятнадцать мой отец будет, как всегда, проверять мой дневник, и первый раз за всю жизнь он при этом ничего мне не скажет и только удивленно пожмет плечами и молча переглянется с мамой.

В-шестых. Ровно через месяц директор нашей школы Василий Васильевич Туркин...

Впрочем, об этом, пожалуй, говорить еще рано, ведь это случится через месяц, а сейчас еще прошло только десять минут, всего десять минут, как мы стоим с Костей на школьном крыльце, просто стоим и ждем, когда же наконец-то откроется дверь и нас пустят в школу, в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лев Кассиль. Как хорошо, что мы — люди!..	3
---	---

Часть первая

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

Событие первое. Позор на всю школу!	5
Событие второе. Не дадут даже опомниться!	7
Событие третье. Как в опере, получается!	8
Событие четвертое (очень важное!). А если я устал быть человеком?!	11
Событие пятое. Лопаты всё-таки вручают!.. И Миш- ка вот-вот появится	13
Событие шестое. Семь выходных дней в неделе — вот что поразило моё воображение!	16
Событие седьмое. Единственная в мире инструкция	19
Событие восьмое. «Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»	21

Часть вторая

ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

Событие девятое. Стоит захотеть по-настоящему и!..	25
Событие десятое. Что на воробьином языке озна- чает!.. :	29
Событие одиннадцатое. Встреча с бесхвостым	33
Событие двенадцатое. Кошка Муська хочет меня съесть	36
Событие тринадцатое. О чём чирикают бабушки	39
Событие четырнадцатое. Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом	41
Событие пятнадцатое. Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери	43
Событие шестнадцатое. Мы с Костей учимся вить гнездо	44
Событие семнадцатое. Драка за скворечник	46
Событие восемнадцатое. Костя Малинин «начири- кался»	49

Часть третья

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

<i>Событие девятнадцатое. Вредитель, известный на- седёнию</i>	53
<i>Событие двадцатое. «Спящая красавица»</i>	59
<i>Событие двадцать первое. Кепка-зенитка</i>	63
<i>Событие двадцать второе. Прощайте, ребята! Мо- жет, больше не увидимся...</i>	66
<i>Событие двадцать третье. Противочихательная при- вивка</i>	71
<i>Событие двадцать четвертое. ...Но в действие всту- пает ужасный закон природы</i>	75
<i>Событие двадцать пятое. Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть</i>	82
<i>Событие двадцать шестое. В морилку, потом в су- шилку... и в распрямилку...</i>	87

Часть четвертая

КАРАУЛ! МИРМИКИ!

(Гибель Малинина)

<i>Событие двадцать седьмое, неприятное для Зинки Фёкиной и спасительное для нас с Костей</i>	95
<i>Событие двадцать восьмое. Мы ремонтируем мура- вёйник</i> : : :	104
<i>Событие двадцать девятое. Это был, наверное, единственный в своём роде «бунт» на земле</i>	108
<i>Событие тридцатое, небывалое и неслыханное на весь муравейник</i>	112
<i>Событие тридцать первое. Вот что такое мирмики и вот что такое Костя Малинин</i>	115
<i>Событие тридцать второе. Мы попадаем в окружение</i>	121
<i>Событие тридцать третье. Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолёт</i>	123

Часть пятая

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

<i>Событие тридцать четвертое. «Загробный» голос</i>	129
<i>Событие тридцать пятое. Мы существуем!</i>	132
<i>Событие тридцать шестое. Я хочу навеки быть че- ловеком!</i>	139

Цена 30 коп.